
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 22 МАЙ 1976

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 22 (2551)

29 МАЯ 1976

Фото Б. Кузьмина.

ТРИ КОЛОСА ТА

«ВОЗРАСТУТ ОБЪЕМЫ МЕЛИОРАТИВНЫХ РАБОТ. К ТОМУ, ЧТО УЖЕ СДЕЛАНО, К ИМЕЮЩИМСЯ В СТРАНЕ БОЛЕЕ ЧЕМ 25 МИЛЛИОНАМ ГЕКТАРОВ ОРОШАЕМЫХ И ОСУШЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ НАМЕЧАЕТСЯ ДОБАВИТЬ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ ЕЩЕ 9 МИЛЛИОНОВ».

Л. И. Брежнев.
Из доклада на XXV съезде КПСС.

Е. АЛЕКСЕЕВСКИЙ,
министр мелиорации и водного хозяйства СССР

В мае 1966 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором по инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева было принято постановление «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур». Минуло десять лет. Наш корреспондент обратился к министру мелиорации и водного хозяйства СССР Герою Социалистического Труда Е. Е. Алексеевскому с просьбой рассказать, как претворяются в жизнь решения майского Пленума ЦК КПСС (1966 г.).

— Евгений Евгеньевич, министерство, которое вы возглавляете, имеет самое непосредственное отношение к проблеме повышения плодородия земель. Каков современный фронт работ у советских мелиораторов?

— Известно, что наша партия превыше всего ставит заботу о материальном благосостоянии советских людей. Это значит, что страна с населением более двухсот пятидесяти миллионов человек должна быть обеспече-

Продолжение см. на стр. 14.

М, ГДЕ РОС ОДИН

Во время беседы. Фото А. Гостева

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Советского правительства 24 мая в Москву с официальным визитом прибыл Премьер-Министр Народной Республики Ангола Лопу Ф. Ф. ду Насименту с супругой.

24 мая в Кремле начались советско-ангольские переговоры.

В переговорах принимали участие:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков;

с ангольской стороны — член Политбюро МПЛА, член Революционного совета НРА, Премьер-Министр НРА Л. ду Насименту, член Политбюро МПЛА, член Революционного совета НРА, министр обороны Э. Т. Каррейра, член Политбюро МПЛА, член Революционного совета НРА, заместитель начальника генерального штаба Народных вооруженных сил освобождения Анголы (ФАПЛА) Ж. К. Жоао, член Политбюро МПЛА, член Революционного совета НРА, начальник управления информации и безопасности Р. Ж. Лопеш.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной обстановке и в духе взаимопонимания, были рассмотрены вопросы советско-ангольского сотрудничества в различных областях.

25 мая состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с членом Политбюро Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), членом Революционного совета Народной Республики Ангола (НРА), Премьер-Министром Лопу ду Насименту.

В беседе участвовали: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, а также член Политбюро МПЛА, член Революционного совета НРА, министр обороны Э. Т. Каррейра, член Политбюро МПЛА, член Революционного совета НРА, заместитель начальника генерального штаба Народных вооруженных сил освобождения Анголы (ФАПЛА) Ж. К. Жоао.

Л. И. Брежнев и Л. ду Насименту выразили взаимное стремление всемерно укреплять разносторонние связи между КПСС и МПЛА, способствовать дальнейшему развитию дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Народной Республикой Ангола, между народами обеих стран. Встреча прошла в теплой, дружественной обстановке.

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

20 мая член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный принял в Кремле председателя Военного комитета национального освобождения, председателя правительства и главу государства Республики Мали Муссу Траоре, находившегося в Москве проездом из КНДР на родину.

Состоялась беседа, в ходе которой имел место обмен мнениями по вопросу о развитии двусторонних отношений и ряду актуальных международных проблем, представляющих взаимный интерес. Было констатировано совпадение точек зрения по большинству затронутых вопросов и высказано намерение предпринять новые усилия для дальнейшего развития дружественных отношений, существующих между Советским Союзом и Мали.

Беседа проходила в теплой, дружественной обстановке.

Во время приема.

Фото А. Гостева

СЕЯЛКИ УХОДЯТ В СТЕПЬ

Пришла весенняя страда и на просторы бывшей целины Казахстана. Здравствуй, двадцать третья весна! В совхозе «Ижевский», Целиноградской области, механизаторов провожали в степь старики — уважаемые аксакалы, деды тех, кто возделывает, пестует степное золото.

В этом году все механизаторы Казахстана работают под девизом кончетавцев. «Каждому полю — Знак качества». Трактористы и сеяльщики совхоза «Берлинский» — запевалы соревнования. Большие надежды возлагают хлеборобы восточной житницы на нынешний год. Они знают, что новый урожай возьмут только при условии, если все работы будут проведены в комплексе, дружно, в лучшие сроки.

В принятом ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановлении «О дополнительных мерах по обеспечению уборки урожая, заготовок сельскохозяйственных продуктов и кормов в 1976 году» подчеркнуто, что успешное проведение уборки урожая в сжатые сроки и без потерь является важнейшей общегосударственной задачей. А борьба за хлеб первого года десятой пятилетки начинается сегодня там, где завершается сев яровых зерновых.

На снимке: директор совхоза «Ижевский» В. Д. Жангурезов (крайний справа) держит совет.

Фото Г. Попова

ЦВЕТЫ ТАШКЕНТСКОГО КИНОФОРУМА

Все больший резонанс среди кинематографистов мира приобретает благородный девиз Ташкентского кинофестиваля: «За мир, социальный прогресс и свободу народов». В 1968 году в фестивале участвовало 49 стран, ныне — более девяноста. В числе новых участников: Малайзия, Народная Республика Ангола, Гвинея-Бисау, Танзания, Сомали, Панама, Эквадор, Доминиканская Республика и многие другие. Присутствуют также делегации Организации Объединенных Наций и ЮНЕСКО.

На улицах и в кинотеатрах города слышен разноязыкий говор. Среди обычных костюмов и платьев— красочные индийские сари, японские кимоно, мексиканские пончо. И особенно впечатляют дружеские улыбки, светящиеся радостью взгляды, то живое единодушие, с каким фестиваль поддерживает свой девиз.

Открыла кинофорум 19 мая Р. Х. Абдуллаева, заместитель Председателя Совета Министров Узбекской ССР.

Продолжительными аплодисментами встретили участники и гости кинофорума приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Приветствие огласил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

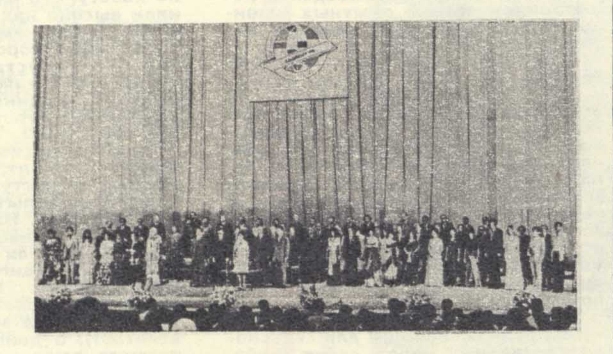
«Искусству кино,— сказано в приветствии Леонида Ильича Брежнева,— если художник правдиво и талантливо выражает передовые идеи, думы и чаяния своего народа, принадлежит большое место в духовной жизни общества, оно становится активной преобразующей силой».

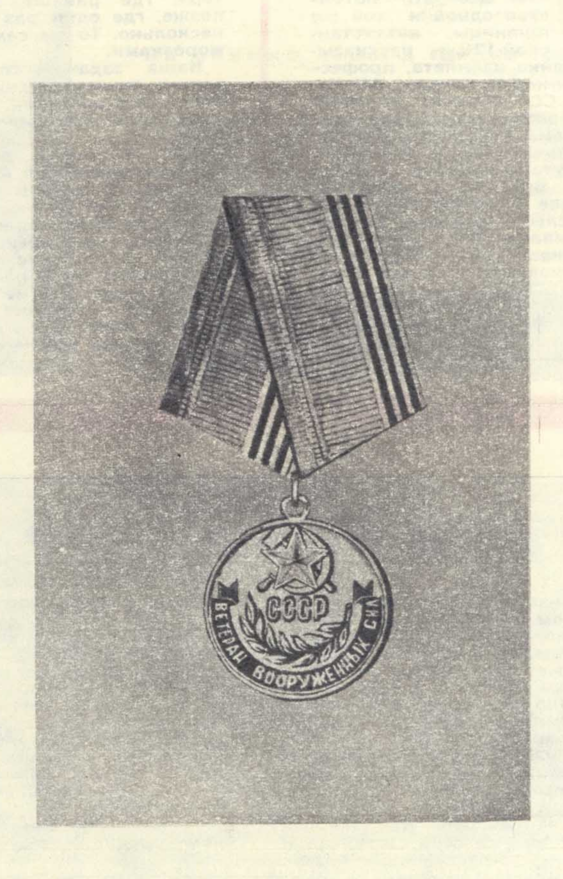
Ташкентский фестиваль не имеет ни официального жюри, ни конкурсного соперничества: друзья встречаются для обмена творческим опытом, независимо от того, на каком уровне развития находится в этих странах кино. Вместе с тем наиболее талантливые киноработы будут выделены в качестве положительного примера. Творческие и общественные организации приготовили более тридцати поощрительных призов.

Участники и гости фестиваля уже познакомились с лучшими фильмами кинематографистов Средней Азии, Казахстана, Закавказья, РСФСР, побывали на промышленных предприятиях, в научных учреждениях, колхозах и совхозах Узбекистана. В программе работы — дружеское собеседование на тему «Роль кино в борьбе за мир, социальный прогресс и свободу народов».

С. АФАНАСЬЕВ

Фото В. Сваричевского.

МЕДАЛЬ — ВЕТЕРАНАМ

Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «Ветеран Вооруженных Сил СССР». Этой медалью награждаются военнослужащие Советской Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск, безупречно прослужившие в Вооруженных Силах СССР 25 и более календарных лет, при увольнении их с действительной военной службы в запас или отставку.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

АЛМА-АТА

ВКЛЮЧАЕМ... СУХОВЕЙ

В кабинете завлабораторией стоят в один ряд колбы и пробирки с самыми разными колосьями — с короткими и с длинными, с худенькими и необычно раздобревшими.

— Все это потомство одной и той же пшеницы, казахстанской-126, — рассказывает хозяйка кабинета, профессор, член-корреспондент АН Казахской ССР Фатима Абулхаировна Полимбетова.— Вот мутант восемь, у него зерен в три раза больше, чем у исходного сорта. Мутант седьмой — скороспелый. Вот более светлый. Этот более розовый. А вот тот низкорослый, «карлик», как мы его называем. Он очень хорошо противостоит полеганию...

Мы находимся в стенах Алма-Атинского фитотрона новой лаборатории Института ботаники.

— Все живое, если ему не способствуют благоприятные условия,— говорит Фатима Абулхаировна,— не в состоянии полностью реализовать свои возможности. У растений они огромны, но на практике человек получает от них очень и очень мало. У нас в Казахстане представлены чуть ли не все климатические зоны страны. И у каждого района свой «характер»: где раньше засуха, где позже, где один раз в год, где несколько. То же самое и с заморозками.

Наша задача — создать для разных климатических условий свои сорта растений. Чтобы они могли дать человеку все, на что способны.

Мы в своей лаборатории разрабатываем для каждого типа климата модели идеального сорта и свои рекомендации передаем селекционерам.

Многие годы обычно тратят ученые на создание нового сорта растения. Если работа ведется под открытым небом, то нередко все старания идут насмарку, стоит лишь пронестись над опытным полем урагану. На следующий год начинай все сначала.

Чтобы исключить случайности, ботаники и поселились в фитотроне. Здесь, в огромном здании из стекла, можно «включать» весну, и осень, и жаркое лето, и холодную зиму, получать любое сочетание климатических факторов, любую влажность, температуру, силу ветра, любое освещение. Изучая реакцию растений на все эти факторы, ученые и дают ответ на важнейший вопрос: где и какие сорта лучше выращивать?

Вместе с кандидатами биологических наук Е. Д. Богдановой и Э. И. Омаровой мы идем по лаборатории. Входим в один из залов, где сложная автоматика регулирует искусственный климат. За стеклянными стенками большого круглого шкафа свирепствует суховей. Клонит к земле стебли чуть окрепшей молодой пшеницы. На пульт управления установки поступают данные о всех процессах, происходящих вокруг растений.

Мы в следующем зале.

— Эта камера — факторастат,— говорит Богданова.— В ней можно регулировать не только климатические условия, но и газовую среду, что очень важно для изучения фотосинтеза — процесса обмена веществ в растениях...

С. МИХАЙЛОВ

СУХУМИ

МАШИНА ДОБРА!

Туман навалился внезапно,— никто толком не сообразил, что же произошло. Земля вдруг заклубилась паром, и за какие-то пятнадцать минут Сухумский аэропорт погрузился в густую пелену. И надо же было случиться, что именно в это время Василий Иванович Сысоев заходил на посадку.

— Полоса исчезла у меня прямо на глазах,— рассказывал он потом.— Слышу в наушниках голос диспетчера: «Посадку запрещаю! Посадку запрещаю!» Дал полный газ, потянул на себя штурвал и ушел вверх. Горючего едва хватило, чтобы дотянуть до Адлера.

Непредвиденное вмешательство природы нарушило в тот день график испытаний. Но на следующее утро оранжевый М-15 снова кружил над морем между Драндой и Очамчире. И после каждой «прогулки» Василий Иванович вылезал из кабины весь взмокший и несколько минут разминался перед самолетом, восстанавливая душевное равновесие.

...М-15 создан в маленьком польском городке Мелец, который славится двумя достопримечательностями: футбольной командой «Сталь» и авиационным заводом. А родилась идея нового самолета, предназначенного исключительно для сельскохозяйственных работ, в семидесятом году, в коллективе советских специалистов, которым руководил Реамир Измайлов. Эскизный проект, который он представил на суд авиационных авторитетов, был признан перспективным. И поскольку существует межправительственное соглашение о том, чтобы в рамках СЭВ производством самолетов для сельскохозяйственной авиации занималась Польша, то Измайлов и большая группа его сотрудников почти на три года переселились в Мелец. Год назад польско-советский самолет М-15 прошел заводские испытания, и четыре опытных машины поступили в распоряжение инженеров и летчиков «Аэрофлота».

— Должен признаться,— говорит Василий Иванович,— когда я первый раз увидел этот самолет, то огорчился. Подумал: неэлегантный аппарат. А потом полюбил. Хорошая машина. Легкая, послушная. Есть, конечно, недостатки, но на то и испытания, чтобы выявить все конструкторские недоделки и исправить их. Еще ни один самолет ни из одного КБ не выходил в абсолютно законченном виде. А уж тем более М-15, который, по существу, не имеет аналогов в мировой практике...

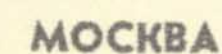
Действительно, впервые на самолете, предназначенном для сельскохозяйственных работ, стоит турбореактивный двигатель, или, как его коротко называют, ТРД. Он-то в основном и диктовал столь необычные очертания самолета. Конструкторы решили использовать ТРД не случайно: цель у них была хитрая — отобрать от двигателя часть засасываемого им воздуха и использовать его для распыления химикатов. В результате полоса распыления стала почти вдвое шире по сравнению с самолетом АН-2.

Но ТРД заставил решать много и других задач. Тяга у него куда больше, чем у поршневого мотора, но распылять удобрения можно лишь при скоростях, не превышающих 160—170 километров в час. Вот и пришлось впервые делать реактивный биплан, который много устойчивее на малых скоростях. А чтобы реактивная струя не била по хвосту, его на двух балках подняли высоко над фюзеляжем, и самолет стал немного напоминать футбольные ворота. Между крыльями у него установлены баки — по одному с каждой стороны, вмещающие по одинадцать центнеров удобрений. Это почти вдвое больше, чем у АН-2.

Пока все доскональнойшим образом не проверят, машина в эксплуатацию не поступит. Василий Иванович уже испытывал ее в различных режимах. Например, имитировал «прерванный взлет», то есть отказ двигателя при разбеге. Потом отказ двигателя и тормозов одновременно. Представляете, разогнался самолет до 115 километров в час (на этой скорости М-15 взлетает), а двигатель отказал, и тормоза тоже не действуют. Как далеко прокатится машина?..

Вот он какой, М-15.

Казимир Скужак и его советский коллега Анатолий Соколов «прослушивают» машину.

МОСКВА

Москва в те дни помолодела: 1200 вожатых, пионерских комиссаров, съехались на свой Всесоюзный слет, который открылся 17 мая. Бурными аплодисментами, здравицами в честь Коммунистической партии Советского Союза и ее Центрального Комитета встретили участники слета приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Приветствие огласил секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин.

С докладами перед участниками слета выступили председатель Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина А. В. Федулова и министр просвещения СССР М. А. Прокофьев.

Среди участников слета — вожатый 30-х годов, Герой Социалистического Труда, ныне председатель колхоза имени В. И. Ленина, Киевской области, Сергей Иванович Оноприенко.

Фото В. Степанова

ОДЕССА

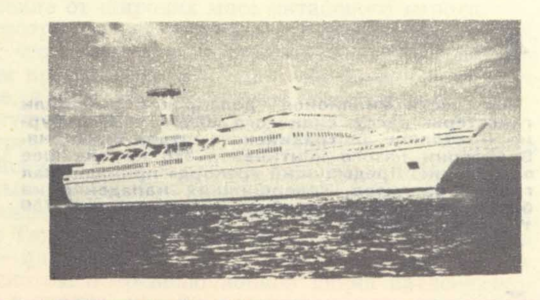
Недавно у причала Одесского порта ошвартовался флагман пассажирского флота Черноморского морского пароходства «Максим Горький» — одно из самых совершенных судов мирового пассажирского флота. На борту его находилось около 600 западногерманских туристов. В порту приписки теплоход не был два года. В этом году теплоход по контракту с западногерманской фирмой «Неккерман» совершил кругосветное путешествие из Генуи с заходом в Индию, Сингапур и Мексику. И вот родной порт Одесса. Судно пробыло здесь три дня — и снова в Геную. А оттуда опять в круиз по Средиземному и Черному морям.

Генеральный директор фирмы «Неккерман» г-н Пания при встрече в Москве с начальником Центрального пассажирского агентства «Морпасфлот» Е. А. Микулинским выразил желание продолжить контракт.

Р. ПИНСКАЯ,
сотрудница Министерства морского флота СССР

На снимке: теплоход «Максим Горький».

Фото Г. Смирнова

Потом аварийный слив химикатов. Баки с вечера заполнены водой. В каждом полете выполняется несколько заданий. Сначала Василий Иванович проверяет поведение самолета при полной загрузке. Через некоторое время раздается знакомый свист: наша оранжевая «бабочка» снижается, и на высоте пятьдесят метров, прямо над полосой, Василий Иванович открывает баки. В воздухе повисает радужное пятно, в котором переливается солнце. А самолет подскакивает вверх, словно его подбросили, затем он делает круг и идет на посадку. Сысоев подруливает к нам. Не дав ему даже выйти из кабины, начинаем расспрашивать что да как.

— Крепко рвануло,— говорит Василий Иванович.— Шутка сказать, две тонны сбросил...

Летчик спрыгивает на бетонку. Комбинезон на спине темный от пота.

...Сысоев отдыхает, и за самолет принимаются техники, инженеры. Проверяют шасси, показания датчиков, аппаратуру. Но самый главный «датчик» — это, конечно же, летчик-испытатель. Его впечатления, ощущения в полете — наиболее ценный материал. Василий Иванович уже нашел немало изъянов, и конструкторам предстоит как следует поработать, чтобы довести машину «до кондиции». Но как хорошо сказал польский техник Казимир Скужак: «Машина добра, а бендже еще лепша» — «Машина хорошая, а будет еще лучше!».

Валерий КАДЖАЯ

ЕРЕВАН

ЗДРАВСТВУЙ, ТОРОС РОСЛИН!

Искусствоведы, художники, библиографы, собравшиеся в конференц-зале Института древних рукописей «Матенадаран» имени Месропа Маштоца, с нетерпением ждали этой встречи. И вот торжественно вносится специальная папка под номером 10 680. В ней произведения выдающегося мастера средневековой армянской миниатюры Тороса по прозвищу Рослин. Века истрепали страницы книги, кое-где выцвел текст, но время бессильно перед искусством Рослина.

— До наших дней дошло всего шесть рукописей мастера,— говорит директор Матенадарана академик Академии наук Армянской ССР Л. Хачикян.— Созданные в тиши монастыря, они поражают совершенством рисунков, которые, несмотря на церковную тематику, говорят о явном отступлении автора от канонов духовной живописи,— они наполнены светом, в них сама жизнь. Советские искусствоведы теперь будут иметь возможность изучать искусство этого мастера не по слайдам или микрофильмам, а по подлиннику.

У этой книги необычная судьба. Веками «Евангелие», иллюстрированное Рослином, хранилось в Иерусалиме, в монастыре святого Якова. Не многим специалистам посчастливилось видеть книгу. Но в 60-е годы она исчезла.

И вдруг книга объявилась... в Лондоне. В 1967 году известная фирма «Сотби» организовала здесь традиционный аукцион уникальных произведений искусства. Каково же было удивление знатоков, когда в каталоге они обнаружили знаменитые миниатюры Рослина! Их должны были продать с молотка. Советская общественность подняла голос протеста и потребовала вернуть миниатюры их законному владельцу — армянскому народу. Но книга вновь попала в Иерусалимский монастырь. И уже позже была отправлена отсюда в Ереван.

В ближайшее время с творениями выдающегося мастера средневековой армянской миниатюры смогут познакомиться и советские и зарубежные любители искусства.

А. САВАЯН

1

Начавшаяся в Италии предвыборная кампания проходит в обстановке участившихся налетов на помещения демократических партий и организаций, провокационных взрывов и поджогов. Реакционные круги стремятся создать в стране обстановку напряженности и насилия, расколоть трудящихся и таким образом сохранить свои позиции.

Наступление реакции вызывает протесты по всей стране. Участники демонстраций требуют действенных экономических и политических реформ.

2

Общественность Западной Германии серьезно озабочена тем, что среди 1223 тысяч официально зарегистрированных безработных в ФРГ насчитывается 115 тысяч молодых людей в возрасте до двадцати лет. Многие юноши и девушки стали безработными сразу после окончания школы.

3

В ответ на провокационный марш израильских правых и религиозных фанатиков, требующих, чтобы Тель-Авив официально аннексировал Западный берег реки Иордан, коренное арабское население организовало демонстрации протеста. Участников выступлений подвергают арестам и избиениям. Имеются жертвы.

4

На шесть миллионов долларов опустошили гангстеры кассу скакового клуба в Мельбурне — столице австралийского штата Виктория. В истории пятого континента это крупнейшее ограбление. Предыдущий «рекорд» принадлежал группе бандитов, совершивших нападение на бронированный автомобиль и похитивших 750 тысяч долларов.

5

У Карстена Шмидта, сотрудника зоопарка в западногерманском городе Франкфурте-на-Майне, вполне дружеские отношения с двухтонным морским львом по кличке Король. Последний особенно благосклонен к Карстену, когда наступает время кормежки.

6

Крупнейший в истории США пожар бушевал в американском городе Сент-Луисе. Полностью уничтожено семь зданий торговых фирм.

Фото ТАСС, ЦАФ, ЮПИ и Ассошиэйтед Пресс

1

2

4

5

3

6

ЗРЕЮТ ГРОЗДЬЯ ГНЕВА

Ю. КОРНИЛОВ

Новая волна жестоких репрессий захлестнула Китай. Льется кровь в Пекине, где продолжаются расстрелы «злоумышленников». Переполнены тюрьмы Пекинского района. Массовые «чистки», повальные обыски производятся, как сообщают зарубежные информационные агентства, в ряде других городов и провинций. Пули, аресты, террор — таков ответ маоистской верхушки на события, разыгравшиеся недавно в китайской столице.

В тот день, 5 апреля, народные массы во всеуслышание заявили о своем недовольстве антисоциалистической политикой Мао Цзэ-дуна. Почти сто тысяч человек приняло участие в манифестации на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь — эта манифестация вылилась в стихийный протест против маоистского режима. Во весь голос звучали на Тяньаньмэнь антимаоистские выступления. Из рук в руки переходили листовки со стихами: «Китай сегодня уже не тот, что был вчера, и народ не так уж одурманен... Нам нужен подлинный марксизм-ленинизм, ради него готовы мы пролить кровь и головы сложить!» Войска, полиция, ополченцы разогнали манифестантов, учинив над многими жестокую расправу. Но скрыть события в центре Пекина, острие которых, по признанию газеты «Жэньминь жибао», было направлено «против председателя Мао», не удалось.

Эти события и последовавшее за ними снятие заместителя председателя ЦК КПК и заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяо-пина со всех занимаемых им постов явились одним из этапов ожесточенной борьбы за власть, которая давно уже разъедает пекинские «верха». Ныне раздоры между кланами в пекинском руководстве приобретают особую остроту, ибо, как с полным основанием отмечает зарубежная печать, речь идет не только о параноидном страхе абсолютного правителя перед человеком, который может захватить его власть,— речь идет и о том, кто окажется у кормила власти после Мао. Но дело не только в этом. Взрыв народного негодования на площади Тяньаньмэнь показал, что в китайском обществе происходит все большее размежевание. В борьбу, ведущуюся между различными группировками, все больше втягиваются трудящиеся массы, выступающие против политики пекинского руководства. Этот взрыв показал, что ни насаждавшийся десятилетиями исступленный культ Мао, ни бесчисленные «чистки» и кампании террора, сотрясающие китайское общество, ни бесчинства «культурной революции» не смогли ликвидировать бездонную пропасть, которая отделяет Мао Цзэ-дуна и его окружение от широких масс китайского народа.

И это не неожиданность. Несмотря на все заслоны, созданные маоистами, дабы скрыть от внешнего мира то, что происходит в стране, в печать и раньше просачивались сведения об активном противодействии политике Пекина в различных районах Китая — то на востоке, в Нанкине, Чжэнчжоу, то на юге, в Гуанчжоу, то в отдаленном Тибете... Растущее недовольство народных масс — закономерный результат политического курса военно-бюрократической группировки Мао Цзэ-дуна, которая вынуждает китайский народ пожинать горькие плоды авантюризма, обрекает его на бессмысленные страдания и жертвы.

Маоистская пропаганда продолжает предпринимать лихорадочные усилия, пытаясь дать событиям на площади Тяньаньмэнь собственное толкование, изобразить дело так, будто эти события — плод действий «горстки злоумышленников». Однако сквозь демагогическую трескотню о «революционной линии председателя Мао, которая все глубже проникает в сердца людей», все чаще прорываются тревожные нотки, свидетельствующие о глубоком беспокойстве Пекина в связи с нарастающим «брожением умов». В стране продолжается ожесточенная кампания против так называемых «каппутистов», то есть «лиц, стоящих у власти в партии и идущих по капиталистическому пути». Пропагандистские атаки сопровождаются все новыми экстраординарными мерами, призванными устрашить людей, подавить всякое недовольство политикой Мао. Произведена очередная перетасовка в военном руководстве, в ходе которой заменены семь командующих военными округами. Все новые группы кадровых работников отправляются на «перевоспитание» в так называемые «школы 7 мая» — маоистские концлагеря.

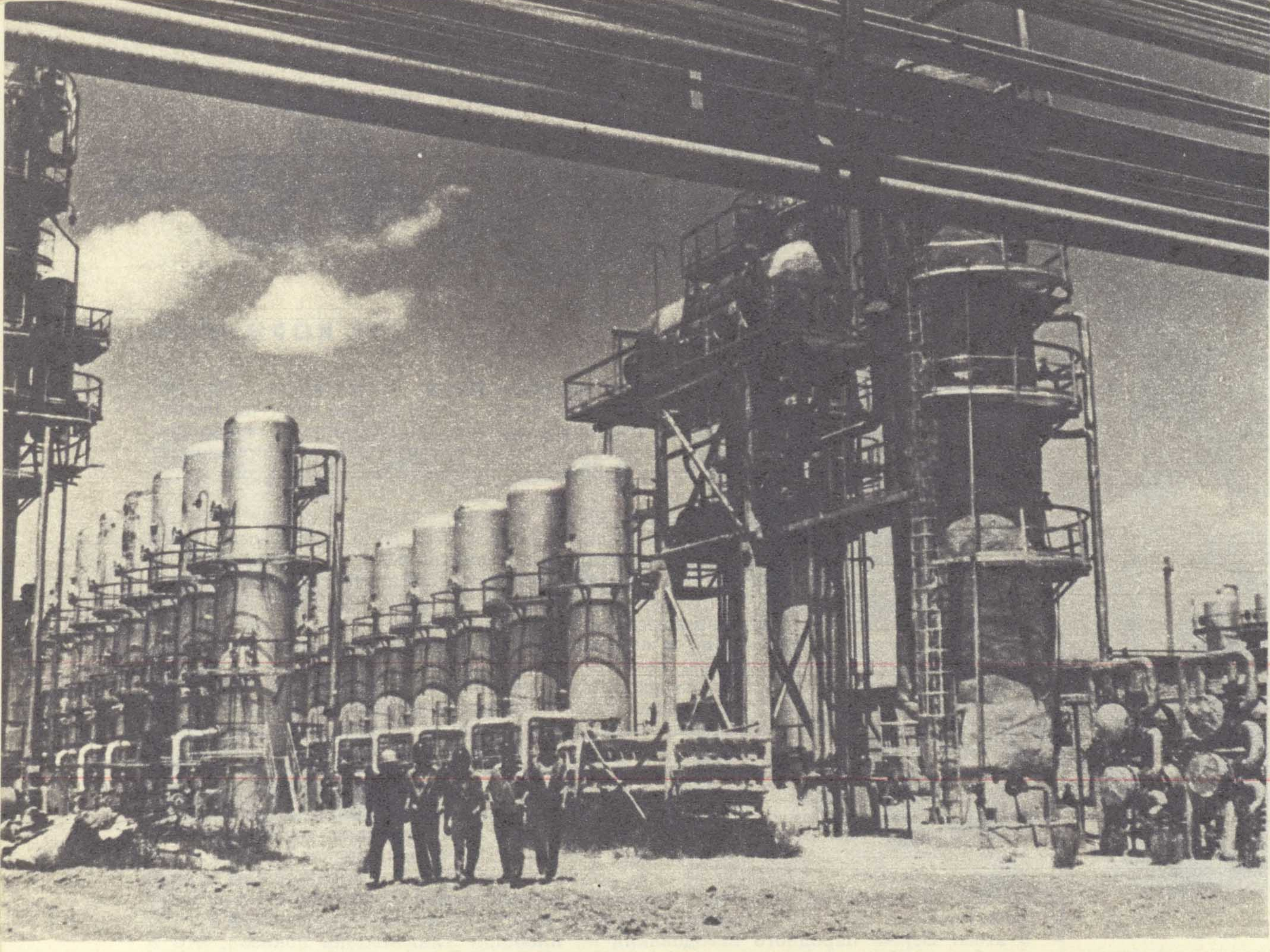
Все это свидетельствует о дальнейшем обострении обстановки в стране, еще раз подтверждает, что политика маоизма неизбежно порождает различного рода кризисы и потрясения. Маоисты стремятся изобразить дело так, будто они ведут борьбу против «классовых врагов». Однако, как с полным основанием пишет французская газета «Юманите», на деле этими «классовыми врагами» являются в большинстве случаев революционные кадры партии, проявляющие некоторый реализм, поскольку они имеют прямые контакты с народом, и стремящиеся смягчить наиболее пагубные последствия директив, получаемых из Пекина.

Трудно, разумеется, предсказать, как будут дальше развиваться в Китае события, отражающие глубокий кризис маоистского руководства и его политики. По мнению большинства наблюдателей, нынешняя напряженность в стране приняла затяжной характер и чревата новыми неожиданностями. Отмечается, что маоисты усиливают идеологическую обработку населения в духе великоханьских шовинистических доктрин, что они намерены и впредь широко прибегать к тактике террора и запугивания, что они пытаются и будут пытаться использовать махровый антисоветизм и провокационные вымыслы об «угрозе с севера», дабы отвлечь внимание трудящихся от острых внутренних проблем. Маоисты ищут и будут искать поддержку у самых реакционных империалистических кругов за пределами страны.

Но Китай, как это говорится в стихах, которые передавали друг другу участники манифестации на площади Тяньаньмэнь, ныне уже не тот, что был вчера. Все шире, все глубже зияющая пропасть, которая разделяет маоистскую верхушку и китайский народ. Все больше становится в Китае людей, которые начинают понимать, что «идеи Мао» находятся в разительном противоречии с реальными потребностями социально-экономического развития Китая, все яснее отдают себе отчет в том, в какой глухой тупик завели страну авантюризм и великодержавные амбиции Мао и его группы. И зреют, зреют гроздья гнева...

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Головные сооружения газопровода.

Машинист Александр Атапин сумел остановить машины, предотвратить крупную аварию.

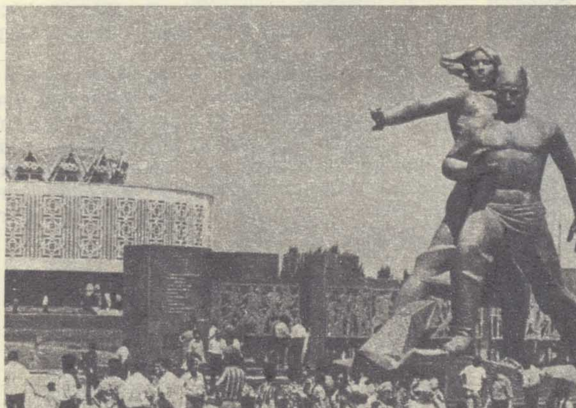
Здесь поработала стихия.

ДРУЖБА — СИЛЬНЕЕ!

— Пока поживем вот так...

В Ташкенте открыт монументально-архитектурный комплекс «Мужество»

Недавнее землетрясение, ощущавшееся на всей территории Средней Азии, особенно разрушительным было в Бухарской области.

Сразу же после сообщения о катастрофическом толчке в Газли прибыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов. В районах бедствия побывали также руководители ряда союзных министерств. Комиссия во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиковым определила меры по ликвидации последствий землетрясения. Для координации восстановительных и строительных работ создан республиканский штаб.

Незамедлительно было налажено снабжение пострадавшего населения продовольственными товарами и медикаментами, сделано все необходимое для обеспечения доставки газа по магистральным газопроводам. И сразу же в Бухару направили железнодорожные эшелоны со щитовыми и каркасными домами, строительными материалами, машинами и оборудованием — из Москвы и Львова, Минска и Волгограда, с Урала и Дальнего Востока.

Первые строительные площадки в жилых кварталах поселка Газли, поверженного восьмибалльным толчком, заложены отрядом с «Каршистроя» из соседней Кашкадарьинской области. Вскоре здесь поднимется семьдесят новых домов, школа, детский сад.

Неподалеку от каршинцев собирают три 24-квартирных дома. Детали их присланы газлийцам с Уссурийского деревообделочного комбината. Прибыли строительные отряды из Ташкента и Самарканда, Андижана и Ферганы.

Пока что кровом пострадавшим служат вагончики и брезентовые палатки. Школа тоже в палатках. В матерчатых классах чистота и порядок. Ребята сдают экзамены. И не только по школьной программе, но и на прочность характера. А после экзаменов детям предстоит отдых в лучших пионерских лагерях и санаториях.

Жители районов Средней Азии, пострадавших от стихии, с сердечной благодарностью встретили решение Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР об оказании им помощи и ликвидации последствий землетрясений и селевых потоков.

Газлийский оператор по добыче газа Герой Социалистического Труда Аслон Бамуратов, узнав об этом решении, сказал: «Спасибо партии за такую заботу. В минуты суровых испытаний вновь ощущаешь, как дружна и едина семья советских народов».

Все интенсивнее становится строительство в Газли, Бухаре, Кагане, Зарафшане. Сюда съезжаются мастера всех специальностей. Один за другим прибывают эшелоны со строительными материалами и оборудованием. В Бухаре на площадке товарной станции висит кумачовый транспарант с надписью: «Стихия сильна, но наша дружба сильнее».

Олицетворением этой дружбы стал открывшийся в Ташкенте, на месте бывшего центра землетрясения 1966 года, величественный монументально-архитектурный комплекс «Мужество». Здесь, в музее, собраны впечатляющие документы великой дружбы советских народов, которые десять лет назад так же, как и сегодня, приняли близко к сердцу беду своего брата. И вместе с ташкентцами в торжественной церемонии открытия комплекса участвовали представители строительных коллективов союзных республик.

Вяч. Костыря,
фото В. Сваричевского,
специальные корреспонденты «Огонька»

Г. Планутите. Род. 1928. МИРАБЫ. 1975.

Ю. Кугач. Род. 1917. СЕМЬЯ. 1974.

Виктор ЯКОВЕНКО

Твой день

Радуга-зарница

Над полем,
Над притихшим лугом,
Над чуткой ивовой лозой,
Следящей с трепетным испугом
За уплывающей грозой,
Над всем земным,
Большим и малым,
Холодным пламенем горя,
Сияла ты,
Торжествовала,
Как семицветная заря.
О радуга, седьмое чудо,
Не раз я любовался сам
Тобой
И любоваться буду,
Но ты подвластна
Небесам.
Вот так деньком горячим летним
Вдруг озаришь густую рожь,
Сверкнешь прощально
семицветьем
И безвозвратно
Пропадешь...
Но есть другое озаренье,
Оно является не вдруг,
Земная радуга —
Творенье
Рабочих загрубелых рук.

Земная радуга-
Зарница,
Мартенов огненных лучи,
О, юности моей жар-птица,
Живое зарево в ночи!
Она зальет горячим светом
И луг, и сад, и каждый дом.
И чувствует себя планета
Надежней под ее крылом.

Отгуляли буйные дожди,
Даль зеленым занялась пожаром.
Май неугомонный,
Погоди
Опалять свой берег
Летним жаром.
День последний свой не торопи,
И в июньский зной
спешить не надо.
Огоньками синими в степи —
Сон-трава,
Тревога и отрада.
Сон-трава,
Живая сон-трава,
Твой огонь
Воспоминанья будит
Горькие,
Их в людях не убудет,
Совесть на земле пока
Жива.
Эх, трава,
Над степью луговой,
Там, где одинокая могила,
Ты ли,
В страшный полдень грозовой
Вечным сном
Солдата опоила?

●

Пришла пора певуньям-птицам
В моем осиновом краю
Густым садам,
Лесным криницам
Отдать сполна
Любовь свою.
Разлился щелканьем и свистом
Горячий месяц-разноцвет,
Пернатым маленьким солистам
Теперь на свете равных нет.
Щегла не умолкает пенье,
Вовсю трещат коростели,
Как будто славят
День рожденья
Умытой росами земли.
И коротки от песен ночи,
От этих бдений напролет.
Одна лишь птица,
Между прочим,
Поет и вроде не поет.
Зато ее приметный голос
Средь прочих
Дольше всех живет:
Уже давно налился колос,
Ну, а она,
Она поет,
Себе поет, себе пророчит
У долгой славы
На веку.
И растянуть подольше хочет
Свое желанное «ку-ку»...
Не лучше ли уйти в безвестье,
Свой день отпеть,
Как отлюбить,
Чем в жизни,
Что зовется песней,
Такой расчетливою быть.

●

Горят метелки молочая,
И ярко-желтый зверобой,
Разлуку тихую вещая,
Других цветов не замечая,
Как бы прощается с тобой.

Даль заревым дымком объята,
Звук отдаленного гудка...
Эгей!.. Но где же вы, ребята?
Как все здесь дорого и свято
Душе былого степняка.

И как таинственно прекрасна
Степь в полудикой красоте.
Она простить тебе согласна,
Но отпустить
Уже не властна
К другой, заведомой черте.

Молодайка

По-над быстрой Кубанью,
У широкого плеса
Льется утренней ранью
Песня сладкоголоса,
С переливами, звонко
Под струну-балалайку:
«Кто-то любит девчонку,
Ну, а я — молодайку...»
На заре у причала,
У парома речного
Так свежо зазвучало
Позабытое слово!
Словно далью пахнуло —
Молода... молодайка,
Будто в небо вспорхнула
Снегириная стайка.
Не в летах, не дивчина,
Но поди угадай-ка,
Чем ты приворожила
Казака, мо-ло-дай-ка.
Знать, веселые очи,
Знать, медовые губы,
Если летние ночи
Так желанны и любы.
По-над быстрой Кубанью,
У широкого плеса
Льется утренней ранью
Песня сладкоголоса.

●

Что значит — дружбой дорожить,
Слыть хлебосольным и широким?
Век можно
На миру
Прожить
И быть безумно одиноким.
Мы, как таинственную нить,
Всю жизнь
дорогу к сердцу ищем.
Богатства можно накопить,
А умереть —
Без друга,
Нищим.

Микеланджело

«Непониманье гения — закон» —
Такое мог сказать лишь гений:
Всем существом,
Всей жизнью он
Постичь стремился
Суть явлений.

Той жизнью,
Что в кромешной мгле
Пылала факелом, сгорая,
И не сулила на земле
Ни счастья людям
И ни рая.

Он сам отвергнул рай земной —
Душе спокойствия не надо —
И жизни не хотел иной,
Предпочитая
Бездну ада,

Предпочитая радость мук,
Чтоб дать ответ на все вопросы
Умом
Своих рабочих рук —
Святым трудом каменотеса.

Быть может, он, как сущий бог,
Явился своему народу,
Чтоб тот
В бессмертье верить мог
Искусства —
Высшую природу.

●

Степь, выжженная дотла,
Мне дорог твой каждый кустик.
Прощается осень, светла,
И все же исполнена грусти.

Земля отпылала сполна,
В свой срок отцвела
И отпела,
И все же как будто она
Чего-то еще не успела.

И первой снежинке своей,
Предвестнице снегопада,
И рада,
И ластится к ней,
И шепчет: «Не надо, не надо...»

●

Жизнь коротка, что ни скажи,
Не оттого ль прекрасна?
А ты не зря
На свете жил,
Век прожил
Не напрасно?
Ах, вы, былые времена!
Вы, как родные имена,
Которые я почитаю.
Но всем векам, моя страна,
Твой день
Предпочитаю.
Он мне роднее всех иных
Торжеств и праздников земных,
День праведный и грозный...
Пусть жизнь моя —
Короткий миг,
Пусть даже миг,
Но — звездный.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

Писать и печататься Константин Андреевич Тренев начал еще в конце прошлого века и долгое время считался беллетристом, только беллетристом. Даже А. В. Луначарский, который, кажется, знал решительно все, что касается театра и драматургии, немало, по свидетельству Н. Луначарской-Розенель, удивился, когда услышал, что К. Тренев предлагает Малому театру свою пьесу о Пугачеве. «Тренев? Константин Тренев? — переспросил Анатолий Васильевич.— Он очень талантливый беллетрист — у него были отличные рассказы. Может быть, стоит подумать о «Пугачеве» Тренева?»

Этой пьесой пристально заинтересовался и Владимир Иванович Немирович-Данченко. И осенью 1925 года «Пугачевщина» появилась на сцене МХАТа... А через год Малый театр поставил «Любовь Яровую».

Словно бы неожиданно, вдруг родился драматург Тренев... Но чудеса, когда внезапно появляются из-под пера художника совершенные произведения, если и происходят в искусстве, то чрезвычайно редко. И опыт Тренева не был исключением. Позже Константин Андреевич говорил, что к созданию пьес его всегда тянула любовь к искусству театра.

За десятилетие до рубежа века робкой детской рукой пишет Костя Тренев свое первое «собственное сочинение», и оно оказывается комедией. О городе, о театре мальчуган тогда только слышал. Жил он в далекой донской степи, в Мокрой Журавке, куда семья Треневых переселилась с Харьковщины, бросив нищий надел с дарованной после «воли» землей. Вот воспоминание драматурга о его первом приобщении к таинству сцены: «Три брата — деревенские сапожники — поставили зимой в просторной хате «Царя Максимилиана», в котором я, 12-летний дебютант, сыграл непокорного сына Адольфа. Какой это был успех! — писал Тренев.— Через год я выступил уже в роли автора бытовой деревенской комедии на родном украинском языке, с сюжетами и образами, взятыми из текущей жизни».

Подумать только! Затерянная в степных оврагах Мокрая Журавка, куда бабка с наговорами приезжала из Миллерова как некое медицинское светило... и свой театр, свой юный автор, своя пьеса с сюжетами и лицами, взятыми прямо из жизни. Били ключи народного творчества и в те глухие времена!

Новую свою пьесу 15-летний Тренев ставит на сцене земледельческого училища и покупает на вырученные шесть рублей полного Писарева для нелегальной ученической библиотеки...

А раскройте газету «Донская речь»: в ней К. Харьковский (таков был псевдоним Тренева) умудрялся сухие отчеты о заседаниях Новочеркасской городской думы превращать в «драматизированные картинки» с натуры, а что до фельетонов и сатирических сказок, то он чаще всего писал их как сценические миниатюры, в каждой из которых была крутая интрига и комические персонажи, перебрасывающиеся быстрыми репликами. М. Горький говорил, что действующие лица пьесы создаются чисто речевым языком, а не описательным. Но разве не преимущественно речевым языком, с помощью лишь скупых «ремарок», создавал Тренев образы своих лучших прозаических вещей? Таких, как «Затерянная криница», «Владыка», «На ярмарке», «Самсон Глечик», «Мокрая балка», «Батраки». Недаром еще дореволюционные критики называли его мастером диалога.

К. Треневу, как говорится, на роду было написано стать драматургом. Конечно, не случайно он решился послать в Италию Горькому не рассказы, а пьесу «Отчего порвались струны?» (второе название «Дорогины»). Он, задумав ее еще на Дону, вложил в нее много сил, души, отдал несколько лет жизни. Тренев работал над пьесой в Волчанске, куда его административно «убрали с Дону», дописывал ее в Симферополе, куда попал в 1909 году тоже не без помощи департамента полиции за крамольные деяния,— на этот раз не на газетном (газеты в Волчанске не было), а на педагогическом поприще. В Харьковском областном архиве хранится объемистая папка «Дело о революционном кружке Волчанской учительской семинарии», где препода-

Ирина ПОЛОНСКАЯ

КАК РОЖДАЛАСЬ «ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ»

В памяти моей встает далекое уже время: дни первой читки пьесы К. А. Тренева «Любовь Яровая» в стенах Малого театра.

Моя мать, Вера Николаевна Пашенная, была первой исполнительницей заглавной роли, а я, начинающая молодая актриса, играла комсомолку Татьяну Хрущ и с первых же читок «Любови Яровой» бывала на всех репетициях, где участвовали знаменитые актеры, известные всей стране.

Как раз в те годы Александр Иванович Южин стал почетным директором Малого театра и председателем художественного совета, а непосредственными каждодневными делами занимался Владимир Константинович Владимиров. Однажды он позвонил Вере Николаевне домой:

— Пожалуйста, прочитайте пьесу, написанную моим другом. Это автор «Пугачевщины», прошедшей в Художественном театре. Он просил новую пьесу сразу дать вам, так как писал главную роль, имея в виду именно вас. Но сам он очень скромный человек, не слишком уверен в пьесе и хотел бы знать ваше мнение...

С жадностью кинулась читать пьесу Пашенная, мечтавшая о роли своей современницы. Читала всю ночь. Утром сказала взволнованно:

— Это очень, очень интересно!..

Поехав в театр, чтобы встретиться с автором, Пашенная долго говорила с ним; Константин Андреевич внимательно слушал Веру Николаевну и соглашался с ней; они беседовали, хорошо понимая

НСТАНТИН ТРЕНЕВ

Владимир **ВИХРОВ**

вал Тренев. Прямых улик против него не обнаружили, но на всякий случай «убрали».

В нелегкую минуту жизни отправил он свою пьесу Горькому. Ответ с Капри пришел быстро. Горький писал: «Константин Андреевич, пьеса Ваша кажется мне вещью талантливой и умной...» И после нескольких замечаний добавлял: «Мне хотелось бы послать пьесу К. С. Станиславскому,— будучи недавно у меня, он очень тосковал по живой пьесе... А рассказы не пишете больше?» Стоит ли говорить, что значило такое письмо для «никому не ведомого педагога»? Трехактная драма «Дорогины» была напечатана в журнале «Заветы» № 3 за 1912 год, но, несмотря на хлопоты Горького, на сцену не попала. И не пьесы, а повести и рассказы принесли писателю первую известность.

Тренев говорил, что с описания тихого Дона, своей второй родины, он начинал литературный путь, что все «силы своей любви, восторга и печали» он вложил в эти описания. В очерке «Дорогой земляк» Тренев рассказывает, как в тридцатых годах он проезжал по невеселым «родным местам» возле Мокрой Журавки вместе с М. Шолоховым. «Но к моему удивлению,— пишет Тренев,— он пришел в восторг — и от унылой степи, и от сожженных степных трав, и от кургана и трех тополей... Два донских писателя с любовью и увлечением заговорили о родной природе, о запахе серого полынку. Близок и дорог мне этот большой писатель, так чудесно чувствующий донскую природу, ту самую природу, которая с детства и на всю жизнь вошла в мою душу».

Перечитайте «Мокрую балку» и «По тихой воде» — и вы явственно почувствуете, как родственны эти треневские повести первому тому «Тихого Дона» не только по краскам пейзажа, не только по характерным деталям быта, по особенностям народного говора, но главное, по той высокой поэтичности, которая одухотворяет донские произведения обоих писателей.

Разумеется, у Тренева складывался свой круг жизненных ситуаций и образов. Ему были до тонкости известны нравы южного провинциального города, так рельефно изображенные в рассказе «Самсон Глечик». Он знал тот глухой хутор, где одиноко и заброшенно проходили молодые годы учительницы Марфы Сергеевны («На хуторе»), знал душную до одури, сонную, будто остановившуюся жизнь далекой станицы, где, как скорпионы в банке, грызутся между собой казачьи толстосумы («В станице»), знал житье-бытье лесной станции, вблизи которой заблудились спьяна помещик Косенко и поп Емельян, перед смертью раскрывающие друг другу грязные душонки. Однако то, что искренне любил писатель и изображал с непроходящей теплотой и силой, были, конечно, все те же Мокрые балки и Працыны разъезды, затерянные среди каменистых курганов, где в наскоро сделанных землянках ютились хуторские переселенцы. Душит крестьянина кулацкая кабала, гнетет его произвол «царевых слуг», казачьих старшин и чиновников, и, кажется, нет просвета в жизни, нет выхода. И все-таки в каждом самом глухом углу бескрайней донской степи теплился огонек, билась живая беспокойная душа, будоража мысль, бередя сердце закопавшегося в земле хуторянина мечтами об иной, лучшей доле.

Острым глазом художника замечал Тренев классовое расслоение в деревне. Он понимал быт села, и донского и украинского, писал о раздирающих его противоречиях, чувствуя их жестокую прозу, и умел удивительно светло рисовать поэзию крестьянского труда. Но, кроме стихийного бунта, выхода для своих героев из кабалы писатель тогда не видел.

Он нашел его позже, когда вывел в «Любови Яровой» матроса Швандю, недавнего крестьянского паренька, который в буре революции почувствовал себя значительным человеком — творцом истории, когда показал в ней же мужика Пикалова, постепенно доходящего до понимания того, что рабочий человек — комиссар Роман Кошкин бьется за его землю, за его бедняцкую жизнь...

Тренев признавался в автобиографии, что еще в годы гражданской войны он начал было писать пьесу, известную ныне под названием «Любовь Яровая», а потом отступил и принялся за историческую драму, за «Пугачевщину», в которой «находил много элементов современности». И первый заключался в самом ее заглавии. «Пугачевщиной» презрительно называли тогда события Октябрьской революции борзописцы всех мастей, от белогвардейских до меньшевистских. Вот она, какова пугачевщина, крестьянская война, грозное предзнаменование Великой революции, говорил драматург читателям и зрителям. Вот какова сама революция, сказал он, написав «Любовь Яровую».

Обоим этим произведениям присущ единый взгляд на изображение больших исторических событий, который Тренев выразил краткими и точными словами: «У меня народ не фон, а герой». То же он мог бы сказать и о пьесе «На берегу Невы» (1937), рисующей предоктябрьские дни в Петрограде, где он одним из первых среди советских драматургов воссоздал образ В. И. Ленина, об исторической драме «Полководец» (1944), посвященной Отечественной войне 1812 года. Этот единый художественный принцип («Народ не фон, а герой»), сейчас общий для советской литературы, в 20-х годах являлся «элементом современности», которым владели немногие. И вклад Тренева в утверждение этого основополагающего эстетического принципа социалистического реализма неоценим.

Тренев пошутил как-то, сказав, что «Пугачевщина» и «Яровая» поступили с ним по-разному: первая дала ему литературное имя, имя драматурга, вторая отняла его: «нет более писателя Тренева — есть «автор «Любови Яровой». В этой шутке заключается большая доля правды. После «Любови Яровой» Тренев создал немало пьес, до сих пор идущих на сцене театров, написал много прозаических вещей, среди них такие маленькие жемчужины, как «Случай у Пяткина» или очерк «Здесь жил Антон Чехов». Но «Любовь Яровая» остается вершиной творчества не только Константина Андреевича Тренева — это одна из вершин всей нашей советской литературы.

друг друга. Тренев сразу обещал Пашенной доделать пьесу. Мать вернулась из театра окрыленная, со словами: «Чудесный человек Константин Андреевич! Это тонкий, интересный художник. Он решил все сделать в ближайшее время, но... когда оно наступит?!»

Однако автор сдержал свое слово: в самом начале октября того же 1926 года на доске объявлений появилось распределение ролей в пьесе «Любовь Яровая» К. А. Тренева и была назначена — на 6 октября — читка. Читал «Яровую» сам автор.

В помещении, где назначили читку, тесно: все хотят послушать новую советскую пьесу; «стариков» вообще интересовала новая драматургия, а молодежь знала, что в пьесе множество действующих лиц, следовательно, в спектакле могли быть заняты многие актеры. О себе я уж не говорю: я впервые получила женскую роль-ку. Прежде на мою долю всегда доставались роли мальчиков, и от этого я приходила в отчаяние, а в «Яровой» у меня была Татьяна Хрущ, и я ликовала.

И вот читка.

За небольшим столиком — высокий, худощавый человек. Видимо, он волнуется: то снимает, то вновь надевает пенсне, протирает стекла, трогает замок большого поношенного портфеля. Когда слушатели наконец расселись и умолкли, автор вынул из этого портфеля огромную кипу бумаг: некоторые странички были написаны от руки.

Кое-кто принялся потихоньку отпускать шуточки, что, мол, читка, наверное, продлится до самого вечера, не успеешь и пообедать перед спектаклем... Строго взглянул на шутников, поглаживая свою бородку, Иван Степанович Платон, милый человек и прекрасный режиссер. В воцарившейся тишине раздался голос автора, не-

М. Горький и К. Тренев среди участников спектакля «Любовь Яровая».

ВЫСОКАЯ РАДОСТЬ

Арк. АЙРУМЯН

А. П. Чехов был старше К. А. Тренева на шестнадцать лет. Когда в 1899 году стало выходить десятитомное собрание сочинений Чехова, Тренев делал еще только самые первые шаги в литературе.

Чеховские произведения воспринимались юным Константином Треневым с восторгом. Об этом с уверенностью можно судить по многократным признаниям самого Тренева.

Благоговение — вот, пожалуй, самое верное слово, которым можно определить его отношение к А. П. Чехову. И это не было эфемерным юношеским увлечением.

«Тренев нежнейшей любовью любил Чехова и, как мне кажется, часто проверял себя как художник Чеховым, хотя был самостоятелен и ни у кого ничего не заимствовал»,— писал известный советский театральный деятель В. К. Владимиров.

«Он любил Чехова, знал наизусть почти все его рассказы»,— вспоминала о своем добром друге одна из старейших советских актрис, П. Л. Вульф.

Можно было бы привести еще много подобных свидетельств.

* * *

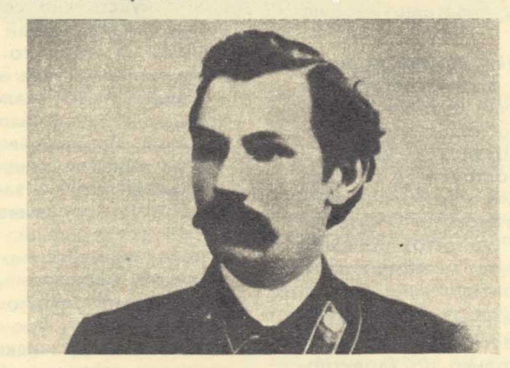
Кем был Чехов для Тренева? Старшим современником? Да. Учителем? Да, безусловно. Но и больше того, тем чистым и светлым идеалом, к которому нужно стремиться, высоким образцом для подражания в самом лучшем смысле этого слова, тем эталоном, по которому, как точно заметил В. К. Владимиров, Тренев «часто проверял себя как художник».

Чехов оставался верным спутником Тренева на протяжении всей жизни. «Все мои высокие радости и скорби связаны с ним»,— признавался Тренев в неопубликованном письме к Н. Д. Телешову.

Но еще более откровенное признание Тренева, очень характерное для него и очень трогательное, стало известно после его смерти, когда Мария Павловна Чехова обнародовала запись, оставленную писателем в книге посетителей Ялтинского дома-музея А. П. Чехова 19 ноября 1924 года. Запись необычна — это письмо хозяину дома.

«Дорогой Антон Павлович! — писал Тренев.— Я провел ночь в твоем доме и остро перечувствовал то, что составляет одно из интимнейших моих переживаний: нет у меня на земле дома, кроме родного, более дорогого, чем этот. Я ходил по твоим комнатам, впивая душой каждую твою вещь; я провел вечер с твоей любимицей-сестрой, подобно твоему Иерониму, ища в ее лице черт «усопшего друга», а потом, оставшись один, рыдал, долго, безутешно, как 20 лет тому назад, когда смерть твоя на всю жизнь ранила сердце юноши. 20 лет я тоскую над твоими, наизусть мною выученными творениями, что ушел ты из этого мира так рано, что ушел так незаменимо мне нужный, что не пришлось мне тебя ни разу видеть — велика эта скорбь моя... Вот и моя жизнь идет к концу, и я чувствую сейчас, сидя за твоим столом, плача над этими строками: сирота я, сирота без тебя в этом мире... «Кому повем печаль мою».

Но увидел я в твоем кабинете карточку — чтение «Чайки» артистами Художественного театра. Еще две недели тому назад я, маленький писатель, так же сидел среди артистов Худ<ожественного> театра, занятых чтением моей пьесы, и сейчас только я почувствовал: м<ожет> б<ыть>, за мои слезы по тебе послано мне величайшее в жизни утешение — радость. И жизнь моя и тоска моя не тщетны».

К. Тренев. Фотография начала XX века.

До революции Тренев не однажды выступал со статьями о Чехове.

Первая из цикла таких статей — «Слезы дня» — была написана в Ростове и впервые опубликована в газете «Донская речь» 6 июля 1904 года. Она явилась непосредственным откликом Тренева на пришедшее из далекого немецкого курортного городка Баденвейлера известие о смерти великого русского писателя. «Слезы дня» — лирическая элегия, очень поэтичная и нежная, напоминающая музыку, проникнутую самой искренней грустью и печалью.

«И казалось последний год, что вот-вот узнаем, что беспросветные чеховские сумерки начинают редеть.

Что грустный взор великого художника уже ловит луч где-то загорающейся зари.

Безысходная холодная тоска медленно тает, растворяясь в тихую грусть упования.

Уже тоскующая «Невеста» со светлой улыбкой полетела навстречу алеющей заре.

Уже новая весна зацвела было молодыми побегами в «Вишневом саду».

Из-за жалобной песни еле уловимо прозвучал мажорный аккорд и... порвалась туго натянутая струна. Не будет больше ни чеховской улыбки, ни чеховских слез...»

Тренев видел в Чехове писателя, целиком обращенного в своем творчестве к демократической части русского общества, очень близкого, родного человека, который глубоко проникся горестями и бедами тех, кто «не знал в своей жизни радости», «барахтался в тине будничных мелочей», и который вместе с ними, объятыми безысходной тоской, «искал выхода».

Не потому ли свою полную грусти статью о Чехове Тренев завершал бодрым, оптимистическим, «мажорным аккордом»: «Придут новые вожди и пророки и новыми тропами поведут нас к свету и счастью... И зацветет новый вишневый сад».

* * *

Горячий отклик Тренева вызвали чеховские дни, проведенные в нашей стране в 1944 году, несмотря на трудную, военную обстановку того времени. Советская общественность широко отметила сороковую годовщину смерти великого русского писателя. И Тренев, естественно, не мог оставаться в стороне. Он выступил сразу с двумя статьями о Чехове. Одна из них — «Певец красоты» — была опубликована в газете «Известия» в канун памятной даты 14 июля 1944 года. Другая — «Антон Павлович Чехов» — увидела свет в те же дни в июльском номере журнала «Пионер».

Тренев характеризует Чехова как одного из «самых могучих писателей, беспощадно бичевавших все, что мешает прогрессу и счастью человеческого общества, все, что может быть названо контрреволюционным в самом широком смысле этого слова». Но рядом с таким Чеховым был Чехов — «самый нежный, любящий писатель». Чехов — великий гуманист. И это нерасторжимо слитно, двуедино, как две стороны одной медали.

В заключение статьи «Певец красоты» Тренев подчеркивал творческое бессмертие Чехова. «Чехов физически умер...— писал он,— но живет и будет жить в веках великий писатель Чехов, своими творениями помогающий нам осуществлять его заветную мечту о сказочно-прекрасной новой жизни».

* * *

...Окруженное всемирной славой имя А. П. Чехова по праву стоит в ряду с именами самых выдающихся творцов литературы всех времен и народов. И в море работ о Чехове особое место занимают статьи, созданные другим замечательным писателем — Константином Андреевичем Треневым, искренним и восторженным почитателем чеховского таланта.

громкий, с небольшой хрипотцой; и уже через мгновение как дождем смыло шуточки! Тренев читал быстро, увлеченно, заражая слушателей своим волнением. Сюжет пьесы, ее сочный, прекрасный язык захватывали нас все сильнее, а некоторые сцены вызывали неудержимый смех, так что автору приходилось останавливаться на это время; были, правда, и такие страницы, когда внимание несколько снижалось, и любопытно, что автор, увлеченный чтением, все равно чувствовал это, даже не глядя на слушателей. Он вдруг сразу останавливался и говорил как бы сам себе: «Нет, тут есть еще другой вариант этой сцены. Тот лучше!» Быстро открывал портфель, шарил в нем и иногда говорил смущенно: «Дома оставил, принесу в следующий раз»... Но теперь уже никто не смеялся: все слушали пьесу с возрастающим интересом. Чувствовалось, что автор волнуется, горит, любит свое детище и у актеров ищет поддержки, отдавая им на суд свою работу. Это была не такая читка, когда «прославленный» автор всех «удивляет» своим чтением, каждую фразу «подносит» слушателям уверенно и спокойно ждет оценки своему остроумию... Треневу важно было и самому ощутить силу рожденного им произведения и услышать мнение мастеров сцены Малого театра, получить их советы.

Во время перерыва актеры обступили автора, засыпали вопросами. Пьеса говорила о живых людях, о том, что было еще совсем близко в памяти.

Пьеса была единодушно принята и артистами и театром, несмотря на то, что в ней еще оставались незавершенные эпизоды, да и самый порядок картин не был

В. Н. Пашенная в роли Любови Яровой.

Публикуемые с небольшими сокращениями письма Константина Андреевича Тренева адресованы донскому журналисту Я. П. Лепилину, с которым писатель до конца жизни поддерживал дружбу, возникшую в начале девятисотых годов, когда Тренев, молодой учитель, сотрудничал в ростовской газете «Донская речь», а затем был фактическим редактором «Донской жизни», выходившей в Новочеркасске.

Н. К. Тренева

Памятник писателю в Симферополе.

ИЗ ПИСЕМ К ДРУГУ

Дорогой Яков Павлович!

Глубоко тронут Вашей статьей обо мне в «Зн. Коммуны». Статья написана прекрасно, хотя и чувствуется, что она кое-где пощипана. Вероятно, поэтому единственной цитате из меня незаслуженно много уделено места...

...Хороша и статья и мысль редакции дать ряд зарисовок донцов. Напрасно только они начали с меня, а не с других, более ярких и знатных.

Впрочем, мы, драматурги, тоже так поступаем: сначала даем менее значительное, а под конец пьесы более сильное и яркое.

Портрет мой в газете лысый вышел... Лар. Ив.[1] скорбит и негодует. Но я так привык к этому, что если бы попался где-нибудь в печати мой портрет в неизуродованном виде, я бы не узнал себя и не поверил бы...

9. 3.—39 г.

* * *

Дорогой Яков Павлович!

Спасибо за большое письмо и большое внимание ко мне и слишком уж большое внимание к моим писаниям. Не стоят они этого, и мне всегда почти неловко и за них и за себя...

Отвечаю на Ваши вопросы: хронологию моих работ не стоит устанавливать. На всякий случай — найдете ее в издании, которое посылаю ради статьи Оружейникова.

...Где и когда печаталась моя речь на съезде писателей — не помню. Но есть большая книга со стенограммами всех речей на съезде. У меня ее нет, но в библиотеках должна быть.

...А зачем Вам это все? Еще: Вы мне возражаете насчет педагогии. «Как много доброго, честного и славного отдает настоящий педагог своим слушателям». Я не был настоящим педагогом. При этом — неполнокровным и гонимым. А главное — преступно занимающимся не своим делом. Педагогию-то вообще я считаю одним из благороднейших и самым героическим занятием. Но это другая статья. А любоваться на прошлое вообще, а тем более мне — неблагодарно. За все вознагражден с лихвой и неизмеримо больше, чем стою.

А заниматься мною, как писателем, не стоит. Во всяком случае, моим «стилем». Какой там «стиль»! Даже неприятно и стыдно об этом слушать. Писал человек, учился этому делу, учился не без некоторых данных, но — нерадиво. И в результате дел — кот наплакал. Хотя и сам над вымыслом плакал иногда. Вот сейчас работаю над «Анной Лучининой» — плачу, когда пишу, и еще больше наплачусь, когда напишу...

3. 7. 40 г.

* * *

Дорогой Яков Павлович!

Спасибо за письмо. Спешу ответить. Начну с очень большого пункта — выступления Вашего обо мне по радио. Буду признателен и помогу, как сумею.

За время войны, конечно, я написал мало, но все же. Вот что хотелось бы: летом 42-го г., когда враг выходил к Дону, я выступил в Москве по радио с речью о великом историческом значении Дона. Речь, говорили тогда, произвела сильное впечатление (и сам я расплакался). Она была тогда же напечатана в «Литературе и Иск». Увы, номер с этой статьей у меня не сохранился, а хотелось бы, если выступление состоится, чтобы она была привлечена, как иллюстрация моей связи с Доном. Есть ли у Вас под руками моя книга «Избранное», со статьей Вальбе и с моим предисловием, где я объясняюсь в своей страстной любви к Дону?

Что я написал во время войны? По драматургии — пьесу «Навстречу» — о первых днях наступления немцев. Пьесу — «Полководец» — о Кутузове. Сейчас она репетируется в Центральном театре Красной Армии (кстати, музыку к ней пишет композитор-донец Гавриил Попов).

Сейчас заканчиваю пьесу о молодости Петра Первого. Отрывки из нее читались по радио в октябре.

Кроме того, написаны для самодеятельных и фронтовых театров 3 одноактных пьесы.

Приступил к работе над пьесой о крымском подполье при немцах.

По беллетристике — написаны 3 небольших рассказа. Обязательно найдите и прочтите 2 из них. Увидите, почему. Один напечатан в журн. «Октябрь» за 1943 г. № 5, другой — в журн. «Огонек» за 1944 г. № 19.

Ну, вот Вам мои добродетели...

Остаюсь — боец 1-го взвода 1-й роты 1-го батальона 96-го гвардейского стрелкового полка — К. Тренев.

(Примечание: то-то! Имею грамоту, личное оружие и нагрудный гвардейский знак.)

* * *

Дорогой Яков Павлович!

По поводу племянника: боюсь, в предыдущем письме не дал ли Вам повода еще беспокоиться и других беспокоить о нем...

...Беда у меня с племянницами и племянниками. А возраст и здоровье такие, что самому бы до себя. Но — кому много дано, с того много и спросится.

...А сейчас смотрю в окно, и мысли совсем не старческие, а отроческие. За окном снежная пелена, от которой уже пахнет весной — и почему-то встает передо мной первый мой приезд в Новочеркасск в это самое время года более полувека тому назад, как торжественно въезжал на дрогале с мешком и красным сундучком, и долго-долго ездил по Кавказской, разыскивая хибарку знакомого. Так 15-летний балбес в первый раз в жизни въехал в город. Прожил я там весь великий пост под незабываемым знаком раскрывающейся весны и поэзии грядущей пасхи и церковных богослужений, словом, всего того, что потом нашло отображение во «Владыке».

Новочеркасск сначала разочаровал меня, но тут же вошел в меня на всю жизнь, как самый любимый город (кроме, впрочем, Петербурга, но там поэзия юности, потому что открылись самые нежные и заветные источники).

Вы ведь тоже не новочеркасский и приехали туда в таком же возрасте? Или я путаю?

Помните панораму займища из Александровского сада? Разлив? Много потом приходилось видеть разливов — и заволжских, и заокских, и заднепровских, да уж не та, первая, любовь.

Помню, заберешься на боковую аллею — никому не ведом, только пробудившаяся весна шумит, да займище манит в свои грезы.

Полтора десятка лет спустя я, бывало, показывал эти свои владения Ларисе Ивановне и, должно быть, именно ими прельстил ее, потому что, кроме них, у меня, как знаете, другого имущества не было. (Если не считать протертые штаны и единственную манжету.)

А потом, 30 лет спустя, приехал в Новочеркасск, уже стареющим «знатным земляком», полугобльной, «инкогнито», утром один забрался в сад с видом на Дон, чтобы один на один пережить все. Глядь,— фотограф и прочее во главе с Бабенкой[2]... А это Василий Иванович, не тем будь помянут, каким-то чудом узнал, что я приехал, и уже в газете напечатал...

И вдруг я вспомнил, как полвека тому назад, в первый мой приезд в Новочеркасск привезли откуда-то и хоронили с музыкой какого-то генерала, и об этом было предварительно напечатано в газете с портретом старого генерала... Я вспомнил об этом, когда на другой день увидел в газете свой портрет — сморщенного старика... Да, жизнь закругляется.

Ну, будьте здоровы! Простите, что разболтался, душу отводил воспоминаниями о дороном крае, в котором Вы уже единственный близкий мне сверстник.

Ваш К. Тренев.
Март 1945 г.

[1] Лариса Ивановна — жена К. А. Тренева.

[2] Бабенко Василий Иванович — друг юности К. А. Тренева, новочеркасский театральный деятель, затем журналист.

окончательно решен автором. Условились, что все это будет дорабатываться уже во время репетиций.

Как и все участники спектакля, Вера Николаевна кропотливо работала над своей ролью, шаг за шагом раскрывая линию роста, духовного становления героини. Из слабой, неуверенной женщины Любовь превращалась в подлинную революционерку, навсегда связавшую свою жизнь с большевиками-ленинцами.

В четвертом акте, когда убаюканная лживыми обещаниями Ярового, Любовь видит, что он предатель, видит, как арестовывают Кошкина, Вера Николаевна вдруг попросила Константина Андреевича отменить весь монолог героини. Она хотела, чтобы автор оставил только крик отчаяния, ужаса Любови Яровой: арестованы революционеры, ее товарищи.

Долго не соглашался с этим Константин Андреевич. «Как это так?! Впервые вижу актрису, отказывающуюся от монолога! От целого монолога...» «И неплохого, добавьте,— отвечала Треневу Вера Николаевна.—Монолог написан хорошо! Но, прошу вас, согласитесь! Давайте попробуем!» И вот на одной из репетиций они попробовали, и после паузы раздался голос автора: «Вы правы!.. Я не возражаю». Впоследствии Тренев писал: «Совместная творческая работа необходима. В некоторых случаях большой актер, по-своему трактуя образ, углубляет его и делает ценнее. Так вышло с Пашенной».

Всего два с половиной месяца Малый театр в теснейшем содружестве с автором работал над пьесой; 22 декабря 1926 года состоялась премьера спектакля «Любовь Яровая», ставшего «вехой в новой, советской истории русского театра», как отмечала «Правда», признавая пьесу К. А. Тренева советской классикой.

интервью «огонька»

ТРИ КОЛОСА ТАМ, ГДЕ РОС ОДИН

Начало см. на 2-й стр. обложки.

Министр мелиорации и водного хозяйства СССР Е. Е. Алексеевский.

на всеми видами продовольствия, причем во все возрастающих количествах на душу населения. Успех партии на этом пути лучше всего иллюстрируется тем, что при росте населения на 23 миллиона человек производство сельскохозяйственной продукции на душу населения за две последние пятилетки возросло почти на одну четверть.

Сельское хозяйство пользуется огромной заботой и вниманием партии, ее Центрального Комитета, Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Решать проблемы неуклонного роста сельскохозяйственного производства приходится в сложных природно-климатических условиях. Известно, что без искусственного орошения ни в Средней Азии, ни в Южном Казахстане, ни в части районов Закавказья полноценных урожаев получить нельзя. Кроме того, такие районы, как Поволжье, степная часть Украины, целинные районы Казахстана, Северный Кавказ и некоторые другие, периодически подвергаются сильным ударам засухи. Засухи — это недород, это резкое снижение урожаев зерна, кормовых культур, овощей. И напротив, в Прибалтике, Белоруссии, полесских и западных районах Украины, а также в Нечерноземной зоне Российской Федерации и на Дальнем Востоке бывают годы с затяжными дождями, что также отрицательно сказывается на валовом сборе сельскохозяйственных продуктов. Вот поэтому перед советскими мелиораторами поставлена задача активно содействовать уверенному ведению сельского хозяйства, что означает — в одних районах широко развивать искусственное орошение, а в других — осушать земли.

— Но ведь эти проблемы из «вечных», и возникли они не сегодня?

— Да, конечно. Мелиорация, в частности ирригация,— наука древних. И наука и искусство.

У нас в стране еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин ставил вопросы, связанные с орошением. В то время даже при очень ограниченных ресурсах государства мелиоративные работы проводились в Туркестане и некоторых других краях. Масштабы их, понятно, были крайне ограниченными. Мелиорация — дело очень дорогое. Нужны многие и многие миллиарды рублей, чтобы на такой огромной территории, какую занимает Советский Союз, осуществить работы в масштабах, достаточных для динамического, устойчивого развития сельскохозяйственного производства.

Историческая заслуга ЦК КПСС, лично Л. И. Брежнева в том, что на мартовском Пленуме ЦК КПСС (1965 г.) была принята программа интенсификации сельскохозяйственного производства. Именно тогда было определено, что в условиях нашей страны наряду с химизацией и механизацией мелиорация является важнейшим рычагом подъема сельского хозяйства. Мелиорация земель — это не текущая кампания, а важнейшее направление всей деятельности партии в области сельского хозяйства. Программа эта рассчитана на длительный срок. Это был поистине исторический рубеж в развитии нашего сельского хозяйства. Судите сами, за все годы Советской власти, предшествовавшие майскому Пленуму ЦК КПСС (1966 г.), мелиорация была проведена на площади в девять миллионов гектаров, а за последние десять лет — более чем на четырнадцати миллионах гектаров. Государственные капиталовложения в эту отрасль народного хозяйства до майского Пленума ЦК КПСС составили более двадцати трех миллиардов рублей, а за последующее десятилетие они превысили тридцать семь миллиардов рублей.

Перед мелиорацией была поставлена принципиально новая, очень ответственная задача: стать одним из важнейших рычагов подъема сельского хозяйства. Причем во всех зонах страны и по всем важнейшим культурам. Это потребовало широкого фронта действий в новых районах. И вот каковы результаты. Площади орошаемых земель на Украине возросли почти втрое, в Поволжье — в пять раз. Намного увеличились такие площади на Северном Кавказе, в Молдавии. Площадь орошаемых пастбищ возросла в двадцать раз и занимает до двух миллионов гектаров. Удвоились площади осушенных земель в Прибалтике, значительно расширились они и в Белоруссии. Развернулись инженерные работы в Нечерноземной зоне Российской Федерации.

Одновременно продолжался очень быстрый рост орошаемых земель в «старых» районах — в республиках Средней Азии, Казахстане и других краях страны. Сейчас по масштабам мелиоративных работ СССР прочно занял первое место в мире.

— Евгений Евгеньевич, столь большие усилия не могли не сказаться на дальнейшем развитии сельского хозяйства?

— На мелиорированных землях за последние десять лет производство зерна увеличилось почти втрое, при этом риса — в три с половиной раза и достигло двух миллионов тонн, что почти полностью покрывает потребность населения в рисе. Удвоилось производство овощей. Производство хлопка достигло рекордного уровня — восьми миллионов тонн: теперь СССР занял первое место в мире и по объему и по урожайности этой культуры. Более трех четвертей прироста валовой продукции земледелия в годы девятой пятилетки получены на мелиорированных землях.

— В печати приводится немало примеров высоких урожаев зерновых и других культур на поливных землях. Но есть и факты плохого использования полей, созданных мелиораторами. Очевидно, наука и передовой опыт должны укреплять связь между инженерами полей, агрономами, и теми, кто в поле работает,— механизаторами?

— Возможности мелиорированных земель, особенно орошаемых, огромны. Вполне реальная задача — устойчиво получать на них до шестидесяти центнеров зерна, сена — до ста — ста двадцати центнеров, риса и кукурузы — до семидесяти центнеров с гектара. Этого добиваются многие передовые колхозы и совхозы, целые районы. Каким засушливым выдался минувший 1975 год! Так вот, в таком году (в пересчете продукции на кормовые единицы) в Волгоградской области на богарных землях не получено и шести центнеров с гектара, а на орошаемых — более тридцати двух. В Ставропольском крае урожайность на богарных землях составила четырнадцать, а на поливе — свыше сорока центнеров. На Украине на поливных землях получили в среднем более сорока шести центнеров с гектара. В Подмосковье поливной гектар дал свыше шестидесяти одного центнера — на двадцать три центнера больше, чем на богаре.

Цифры убедительные, не правда ли? Однако и орошаемые и осушенные земли могут давать продукции значительно больше. Здесь урожаи не зависят от погодных условий. И питание и влага — все в руках человека. Поэтому-то и вызывают справедливую критику низкие урожаи. Агрономам, мелиораторам, всем земледельцам надо хорошо потрудиться, чтобы каждый гектар в каждом хозяйстве радовал полноценной отдачей. К этому нас обязывают решения XXV съезда партии.

— На майском Пленуме ЦК КПСС (1966 г.) была поставлена задача покончить с примити-

визмом, строить мелиоративные системы на современном техническом уровне с использованием передовой отечественной и мировой практики. Что сегодня можно сказать о техническом прогрессе в огромном водном хозяйстве страны?

— Сделано в этой области многое. В прошлом мы строили земляные каналы. Теперь облицовываем их либо бетоном (монолитным или сборным), либо пленкой, либо другими противофильтрационными материалами. Это на тридцать — сорок процентов экономит воду, предупреждает заболачивание. Раньше вода на поля подавалась открытыми каналами, а посевы поливали вручную. Теперь, как правило, вода подается напорными трубопроводами, а поливают поля дождевалки. На полях страны работает почти двести тысяч различных поливных машин. Они очень широко применяются в Молдавии, на Украине, в Российской Федерации. Строятся автоматизированные насосные станции, крупные гидроузлы с автоматическим водораспределением. На новой инженерной основе созданы рисовые системы. Вместо открытых канав в зоне осушения теперь сооружают закрытые системы, что позволяет широко использовать сельскохозяйственные машины.

— Евгений Евгеньевич, расскажите подробнее об одной из мелиоративных систем.

— Систем интересных много. Верхне-Рогачикская, Фрунзенская, Городищенская, Большая Волгоградская, Приволжская, Тольяттинская. Ну, вот взять хотя бы Каховскую. Площадь орошения здесь в перспективе будет доведена до шестисот тысяч гектаров — крупнейшая в Европе! Вода в каналы подается насосной станцией. Ее производительность при работе на полную мощность — пятьсот кубометров в секунду. Для сравнения скажу, что Москва-река дает сорок кубометров в секунду. На магистральном и распределительных каналах есть автоматизированные насосные станции. Они подают воду на восемь — четырнадцать дождевальных установок типа «Фрегат». Каждая установка орошает сто и более гектаров. Подачу воды регулируют автоматы. Производительность труда таких машин очень высокая.

Хочу упомянуть еще о Каршинской системе в Узбекистане, кстати, ваш журнал недавно подробно рассказал о ней. Первая очередь орошения на этой системе — двести тысяч, вторая — триста пятьдесят тысяч гектаров. Каскад из шести насосных станций поднимает воду из Амударьи на высоту ста тридцати метров. Каршинская степь — в недалеком прошлом безжизненная пустыня. Сейчас здесь складывается один из крупнейших районов по производству особо ценного, тонковолокнистого хлопчатника. Одновременно с ирригационными системами тут создаются благоустроенные поселки. Условия жизни в них приближаются к городским. Строятся школы, больницы, клубы, детские учреждения, магазины, стадионы, дороги, линии электропередач, есть водопровод, газ, канализация. Коттеджи благоустроены. В Каршинской степи на орошаемых землях хлопчатником засеяны шестьдесят тысяч гектаров. Уже получены хорошие всходы. Ожидается, что целинные совхозы Каршинской степи дадут свыше ста тридцати тысяч тонн хлопка уже в этом году.

— Евгений Евгеньевич, какие конкретные задачи поставил перед мелиораторами XXV съезд партии?

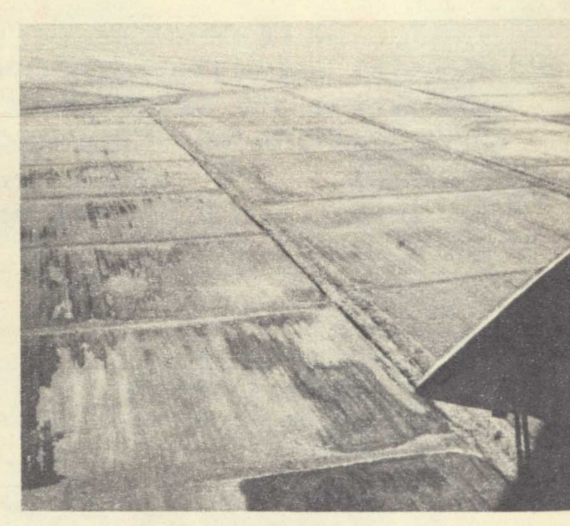
— В докладе на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнева и в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», принятых съездом, предусматриваются более крупные по масштабам и более сложные по характеру выполнения мелиоративные работы. Их объем возрастает в полтора раза. Особенно быстрыми темпами будут вестись работы в Нечерноземной зоне Российской Федерации. Это наша первейшая задача. Огромный сельскохозяйственный район с площадью угодий в пятьдесят два миллиона гектаров требует современного инженерного обустройства. Здесь выпадает сравнительно большое количество осадков, почвы очень отзывчивы на удобрения. ЦК КПСС и Совет Министров СССР определили долговременную программу подъема сельского хозяйства в Нечерноземье. Важнейшее ее звено — мелиорация. Предстоит миллионы гектаров осушить или, наоборот, полить, расчистить от кустарника и мелколесья, произвестковать, освободить от камней. Далее. В Поволжье площадь поливных земель возрастет почти в два раза и превысит полтора миллиона гектаров. В больших масштабах будем вести работы в других зонах — в Сибири, на Дальнем Востоке, в Закавказье, республиках Средней Азии, в Прибалтике, Казахстане, степных районах Украины. В целом за пятилетку будут мелиорированы еще десять миллионов гектаров. Кроме того, предстоит на миллионах гектаров обводнить пустынные пастбища, технически переустроить устаревшие системы. Это тоже важно сделать вовремя и на современном уровне.

Мерилом эффективности наших усилий будут количество и качество продукции, получаемой на мелиорированных землях. По-новому складывается само использование капитальных вложений. Они будут направляться на осуществление конкретных программ, целью которых является достижение производства строго определенных количеств зерна, овощей, молока, мяса. Сейчас вместе с Министерством сельского хозяйства СССР разрабатываем программу по рису. Она предусматривает новое увеличение его производства. Надо подобрать подходящие земли в районах с хорошим водообеспечением — например, плавни Кубани, низовья Амударьи и Сырдарьи, районы Дальнего Востока. Надо спроектировать рисовые инженерные системы, определить хозяйства, которые могут эффективно использовать новые, рукотворные поля. Разрабатывается также и программа по увеличению производства овощей. Осуществление ее позволит увеличить сбор их на восемь миллионов тонн. В центре внимания, конечно, будут работы по увеличению производства зерна. Мелиораторы страны призваны возвести мощный щит для защиты полей от стихийного натиска коварных сил природы.

— Как инженеры новых полей взаимодействуют с природой? Какова их роль в охране природы?

— В принципе мелиораторы и природа — союзники! Раньше злоупотребляли термином «преобразовать природу». Вопрос же стоит иначе: защитить сельское хозяйство от стихийных бедствий или, как любят говорить, от «капризов» природы. Капризы эти очень дорого обходятся: засухи, наводнения, водная эрозия, заболачиваемость, нашествие кустарников и мелколесья... Мелиорация — ключ к культурному землепользованию. Это в первую очередь повышение плодородия земель. Безжизненные степи превращаются в цветущие оазисы; камышовые заросли Приазовья или низовий Сырдарьи и Амударьи — в инженерные системы и дают невиданные для тех мест урожаи, например, риса. Два миллиарда кубометров днепровской воды ежегодно подают насосы в Крым — вот оно, преобразование природы засушливого района! Вода Волги с помощью ирригаторов влилась в пересыхавшие речки — Большой и Малый Иргиз, Торгун и многие другие. И ожила степь, и вернулись на весенние разливы птицы!

Примеры, разумеется, можно было бы продолжить. Но есть и другая сторона вопроса. Современные технические средства позволяют даже одним насосом выкачать начисто любую из «малых» рек, допустим, средней России или степной Украины. А ведь это жемчужины нашей природы. Можно ли такое допустить? Можно ли лишить реку природной красоты, превратив ее в канал? Или нарушить интересы рыбного хозяйства? Нельзя, такое трижды недопустимо. Но, к сожалению, подобные факты инженерного браконьерства есть. С ними нельзя мириться. Мы в министерстве особо тщательно рассматриваем все проекты, хорошо продумываем комплексные схемы. И требуем, чтобы проектировщики в обязательном порядке предусматривали все то, что обеспечило бы интересы народа, приумножило богатства природы, что сохранило бы ее неповторимую красоту для будущих поколений. Ради этого стоит потрудиться всем — проектантам, инженерам, агрономам, механизаторам. Земля — наше богатство, нам его и умножать. Пусть вырастут три колоса там, где еще недавно рос один. Это не красивые слова, это конкретная задача на сегодня. И ее решению мы отдаем все силы.

Рисовые чеки.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

Летим в Камень-Рыболов — районный центр, расположенный на берегу дальневосточного озера Ханка. Под нами красивая долина, земля с ухоженными, еще хранящими следы вчерашней посевной полями.

Внизу сотни серых квадратов — рисовая система: поле в тысячу гектаров, построенное руками человека. Над чеками после ночного дождя поднимается пар, он легким пологом прикрывает землю, словно спасая ее от ожогов утреннего солнца. В бескрайнем просторе возникает светлый поселок. Он, как и поля, еще совсем новый, время не успело притушить золотистый цвет свежего дерева. Десять лет назад здесь не было ни этого поселка — Владимиро-Петровки, ни совхоза имени 50-летия СССР. Пахарь дальней дорогой обходил эти земли. Только охотники и бродили тут.

То, что простирается сейчас под крылом, я уже видел десять лет назад, но видел на бумаге, чертежах и планах, созданных «Главдальводстроем», после майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС. Тогда мелиораторы Дальнего Востока делали свой первый шаг.

Недавно я побывал у начальника этого главка Петра Михайловича Кузьминского. Он показал мне карту с яркими кружками, которые разбросаны по всем краям и областям Дальнего Востока — там ведутся мелиоративные работы. Тресты и управления главка освоили миллиард рублей капитальных вложений и внесли весомый вклад в те двадцать пять миллионов гектаров осушенных и орошенных земель, о которых говорил на XXV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

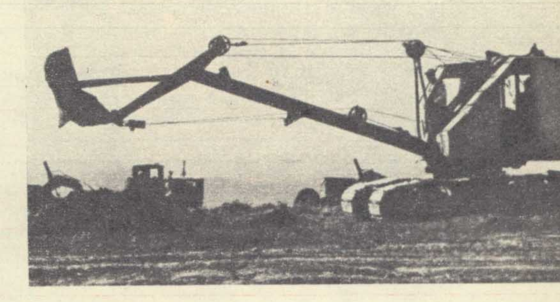
Широкий фронт работ развернут и в Приморском крае. Практика показала, что возделывание риса на местных землях — дело выгодное и перспективное. Здесь введено в эксплуатацию 25 тысяч гектаров инженерных рисовых систем. Все они переданы рисоводческим совхозам — высокомеханизированным сельскохозяйственным предприятиям.

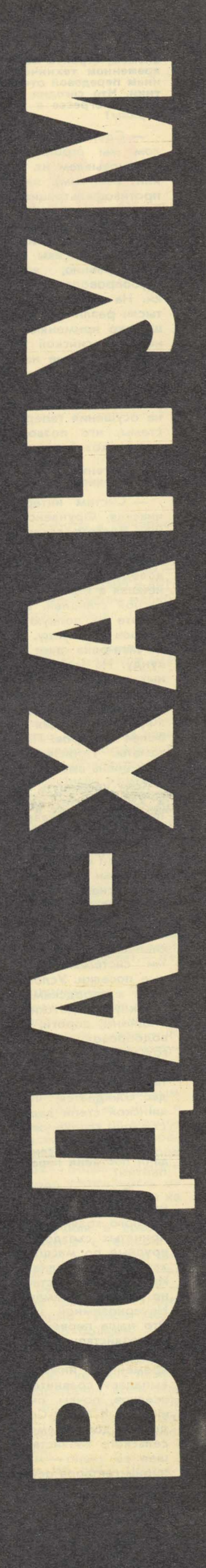
...А под крылом все плывет и плывет земля, окутанная облаками пыли, — это трудятся скреперы, бульдозеры, тракторы — боевая техника мелиораторов.

Обновляется дальневосточная земля.

В. КУЗНЕЦОВ,
фото автора

Рождение поля.

«В ТАДЖИКСКОЙ ССР... ВВЕСТИ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ 60 ТЫСЯЧ ГЕКТАРОВ ОРОШАЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ И ОБВОДНИТЬ 100 ТЫСЯЧ ГЕКТАРОВ ПАСТБИЩ... РАЗВЕРНУТЬ РАБОТЫ ПО ОСВОЕНИЮ ДАНГАРИНСКОЙ СТЕПИ».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Н. ХРАБРОВА,
фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

— Меня в Яван, как магнитом, притянула любовь,— сказал Абдусаттор Рафиев.

— За что же именно вы так полюбили эту долину?— полюбопытствовала я.

— Тогда еще не долину,— усмехнулся Абдусаттор,— я тогда Бибираджаб полюбил. У нас на востоке свои обычаи. Едва мне исполнилось восемнадцать, отец надумал меня женить. А я не хотел жениться, решил стать инженером. Бывает так в детстве: услышишь какое-нибудь слово и начинаешь мечтать обо всем, что с этим словом связано. Сладким, как мед, для меня было слово «инженер»...

Я понимаю Абдусаттора. Мне тоже с детства запомнились слова «Бактрия» и «Согдиана». И были эти слова облечены тайной безвестности и давности в две с половиной тысячи лет. Квинт Курций Руф, повествуя о войнах Александра Македонского, писал: «...Природа Бактрии разнообразна; там виноградная лоза приносит крупные и сладкие плоды; обильные воды орошают жаркую почву; наиболее плодородная земля обрабатывается под хлебные посевы, другая обращена в пастбище крупного рогатого скота, но большая часть земли — бесплодная равнина...» Паслись на пастбищах Бактрии кони, за невиданную стать названные «небесными», и был на полях необыкновенный, специально для небесных коней выращиваемый корм — недавно я узнала, что это люцерна. Из Бактрии небесные кони и их корм вывозились в иные страны востока и на запад — так попала к нам люцерна.

Потом вторглись сюда злобные кони воинов Александра Македонского, стала дыбом и рассеялась пылью плодородная земля Бактрии и Согдианы, были уничтожены оросительные каналы, и камни растрескались от пожаров и солнца. Погибли земледельцы, их поля и сады; Бактрия и Согдиана стали просто историческими словами, и смысл их навсегда смешался с непреходящей печалью. С детства томили меня Бактрия и Согдиана несбыточностью и неутолимой жаждой — увидеть, понять...

И вот теперь я приехала в Яван — эта долина и была некогда северной частью Бактрии, а слово «яван» по-русски значит «пустыня». Сижу в квартире инженера Абдусаттора Рафиева, где элегантность Запада сочетается с уютом Востока, и слушаю его рассказ о любви:

— ...Нет,— сказал я отцу,— не женюсь, семья слишком рано свяжет меня чувством долга, я хочу учиться.

Отец, умный и уважаемый человек, ветеран Великой Отечественной войны, не настаивал. Абдусаттор выучился на инженера-строителя и получил назначение в Навои. Там рождался красивый город, и работа пьянила, как молодое вино. Однажды он поехал в гости к двоюродному брату в Душанбе и там познакомился со студенткой мединститута Бибираджаб.

— Любовь грянула, как стихия,— рассказывает Абдусаттор.

Они поженились и, когда Бибираджаб окончила институт, вместе приехали в Яван: она врач-окулист, а он инженер-строитель. Было это в 1970 году, в момент стремительного преобразования Яван-Обикиикской долины, ставшей ударным объектом девятой пятилетки Таджикистана. А до этого дно долины всегда было сухим и горячим, как тондур — глиняная печь для хлеба. Люди не могли вынести яванского зноя и жили в нагорьях, где попрохладней. Но Рафиевы уже застали здесь воду и стройку, в поселке стояли восемь каменных домов. Теперь их здесь сто шестнадцать, они двухквартирные, и в каждой квартире для многосемейных по четыре комнаты.

— Пройдите, посмотрите, какие у нас удобства,— приглашал Абдусаттор.— Как в столице! Мы строим в поселке, во всех совхозах мастерские, гаражи, клубы, бани, прачечные, поликлиники, больницы, аптеки, склады, молочнотоварные фермы. Разве можно представить все это без воды? Нет, конечно! А вода идет сюда из Нурекского водохранилища...

Тут я углубляюсь в воспоминания. Полтора года назад я ходила по слою Нурекской плотины, что засыпан теперь. Справа над водохранилищем идет дорога, я ездила по ней не раз, и у меня там есть любимая точка: с нее водохранилище, чуть раздвоенное посередине мысом скалы, кажется похожим на сердце. Голубая благородная кровь по артериям и капиллярам гигантской оросительной сети те-

•

Полны сети серебра...

И побежит вода по трубам.

Гульнисо Пахланова, депутат Верховного Совета Таджикской ССР, бригадир совхоза имени XXV съезда КПСС.

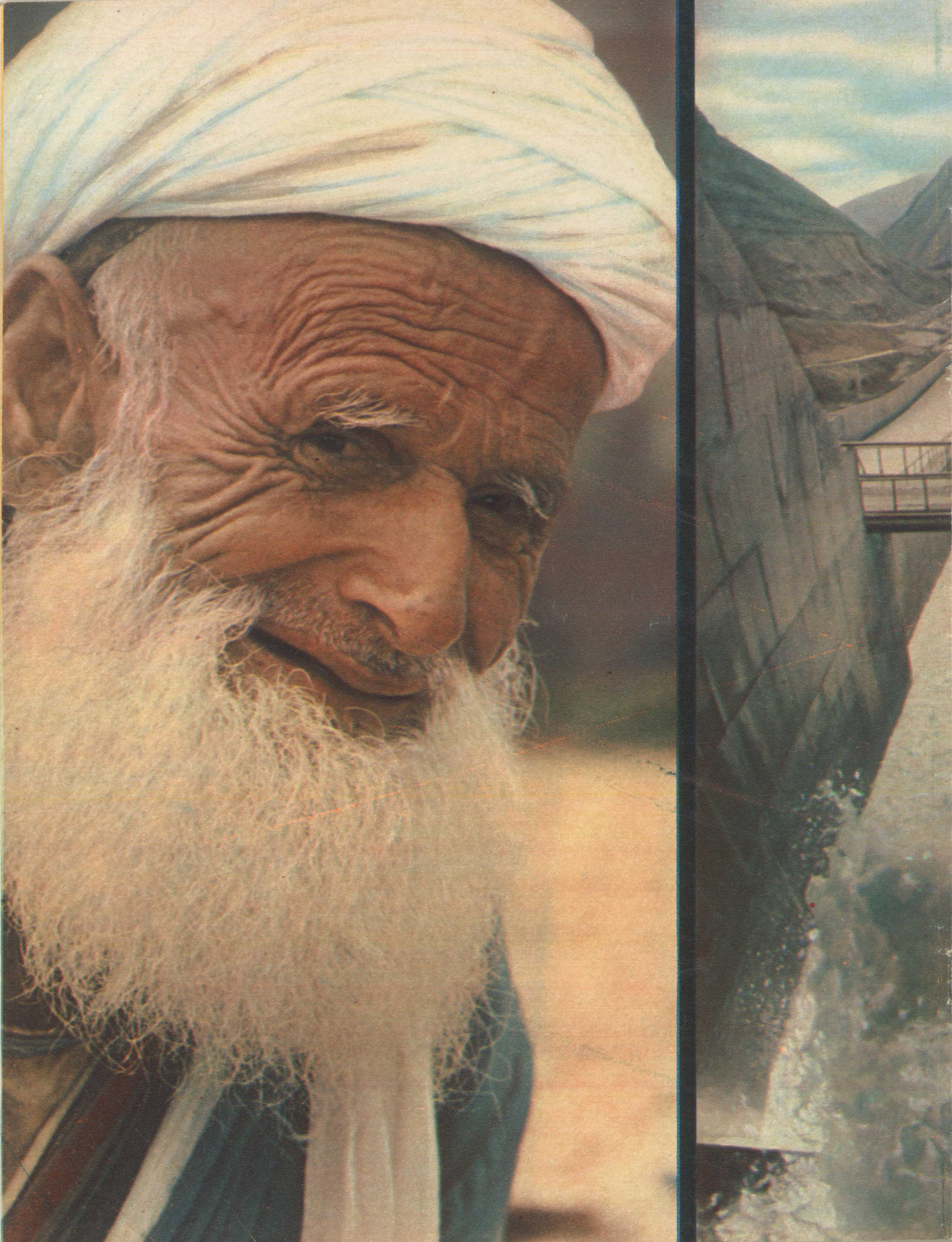
На развороте вкладки:

Сайфиддин Абдуллаев: «Всю жизнь для меня главным словом было — вода».

Байпазинский гидроузел.

Жажда.

чет на хлопковые поля Таджикистана, Узбекистана и Туркмении и несет обновление людям этих республик, древним землям Бактрии и Согдианы. Вспоминаю Рудаки:

...Песками лежит пустыня, где прежде цвели сады. Но сменят сады пустыню, алкающую воды...

Десять столетий должны были пройти, пока сбылись надежды Рудаки. Нам есть с чем сравнивать, и, сравнивая, я знаю: не появилось бы среди горячих гор бирюзовое сердце Нурекского водохранилища, если бы не Октябрь. Уже 17 мая 1918 года Ленин подписал декрет «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ».

...В квартире Рафиевых распахнулась дверь, и вошел смуглый человек в тюбетейке. Хозяин дома воскликнул:

— Таджи, дорогой, я только что хотел посылать за тобой, чтобы познакомить с московскими гостями...

— Как же не прийти, если я сам москвич?— ответил Таджи Сеитов.

Москвичом он стал после службы в армии, когда солдаты из их части решили поработать на строительстве Московского метро. Был сначала бетонщиком, потом окончил курсы и стал мастером. Проработал четыре года, закончил свой объект, и метростроевцам предложили работу в Яване.

— Я, конечно, согласился, ведь мои родные места тут, рядом,— рассказывает Сеитов.— Только мне было странно: что же я, метростроевец, стану делать в Яванской пустыне? А меня ожидало неожиданное: я сразу стал мастером поверхности шахты. Не знаете, что это такое? Я расскажу. Яванский тоннель для быстроты пробивали с двух концов, строители шли внутри скалы навстречу друг другу. Для того, чтобы опускать строителей под каменную толщу и обеспечивать их стройматериалами, мы где-то на середине, в кишлаке Кунчи, врубились в скалу вертикальным стволом глубиной в сто пятьдесят шесть метров. Легкими были первые четыре метра грунта. А потом пошли скалы. Диаметр нашего вертикального ствола — шесть метров. Дневное задание для двенадцати человек — восемьдесят сантиметров в глубину. Эти восемьдесят сантиметров казались вначале даже обидными: почему не метр? Но за дополнительные двадцать сантиметров мы дрались, как львы. Некоторые бригады все же давали по метру. Наверху их ждала премия — тут же касса, и сразу бригаде в руки сто рублей. Но дело не в ста рублях! Наверху их ждала слава: люди каменных гор раньше знали только легенды о том, что скалу можно пробить и добыть воду. Сказания, в которые народ устал верить.

Мы строили тоннель в семь тысяч триста метров целых восемь лет,— продолжал Таджи Сеитов.— В середине мая шестьдесят восьмого в глубине скал под Кунчи встретились бригада, а восемнадцатого мая в Яванскую долину сквозь каменный хребет хлынула вахшская вода. Все газеты опубликовали фото яванских стариков, они мыли свои белые бороды этой водой и плакали от счастья, что дожили до такого дня, ведь их отцы, деды и прадеды возили воду с Вахша. Шестьдесят километров. На ишаках... И люди сразу спустились с гор в Яванскую долину. Раньше по долине разбросанно жили пятнадцать тысяч человек, а теперь в одном поселке Яван уже восемнадцать тысяч, а по всей долине шестьдесят три тысячи жителей, и если посчитать, то выйдет пятьдесят национальностей. Вся страна помогала Явану, но в первую очередь — московский Метрострой. А теперь у нас есть свое, Таджикское управление Гидроспецстроя.

...Перед поездкой в Яван мы говорили с секретарем ЦК КП Таджикистана по сельскому хозяйству Мирзо Бобоевичем Бобоевым.

— Я кое-где видел остатки древних оросительных систем,— рассказывал Мирзо Бобоевич,— наши предки были большими мастерами. И сейчас сохранились арыки, по которым вода, как змейка, ползет вверх, в гору. Еще и корезы у них были — нечто вроде подземных тоннелей, соединенных частыми вертикальными колодцами для очистки. Все это было мудрое, но такое ненадежное, что думать больно. Трудно нам было без воды. Ведь у нас 93 процента страны — горы, и только 7 процентов — долины, да и они от природы сухие. У нас 500 больших и малых рек, а вода их то бушевала в ущельях, то уходила в сухую глину долин. За годы Советской власти наш народ многое сделал: освоил Гиссарскую и Вахшскую долины, одолел, казалось бы, немыслимое — построил прекрасную дорогу на Памир. И все это еще было не самым главным. Самое главное — массовая, грамотная, на высоком техническом уровне ирригация досталась нам, достанется нашим потомкам. В Нурекском водохранилище скоро накопится 10,5 миллиарда кубометров воды. Плотина Рогунской ГЭС тоже даст большую воду. Так что потомкам нашим строить да строить, а Вахшу нести и нести со снежников огромное количество воды на пользу людям. Есть таджикская пословица: «Не спрашивай, сколько у меня земли, а спроси, сколько воды». Я сказал вам, сколько у нас воды. А орошаемой земли сейчас 482 тысячи гектаров. Не так уж и много, правда? Но по плодородию они золотые, эти гектары. И, как золото, мы «собираем» их, не теряя ни единой крупицы. За девятую пятилетку в Яван-Обикиикской долине мы ввели в сельскохозяйственный оборот 38 тысяч гектаров, а по всей республике за пять лет освоили 63 тысячи гектаров целинной земли. Доходность каждого орошаемого гектара повысилась в три-четыре раза по сравнению с богарным, то есть неорошаемым.

Я слушаю Мирзо Бобоевича и думаю о том, что мне здорово повезло: на протяжении двадцати лет я шесть раз была в Таджикистане. В первый приезд собственными глазами видела, как дехкане на древней зернотерке, в виде коней с железными зубами, мололи зерно и как талая горная вода быстро уходила в сухую землю арыков, слабой струйкой едва доползала до потрескавшихся полей. А в эту последнюю поездку я побывала в глубине горы Нор, в третьем строительном тоннеле. В том самом, через камеру затвора которого в марте и апреле было спущено огромное количество воды для промыва от соли хлопковых полей трех республик, и один только этот промыв увеличивает урожай хлопка на 30 процентов. Наладку уникальных Нурекских гидросооружений вел конструктор московского СКБ Николай Федорович Пчелкин, который по-прежнему часто приезжает в Нурек. Приехал он и на промыв, что недавно закончился. А два молодых «мираба-1976» — Леонид Денисенко и Станислав Дробыш — уже готовят всю эту гидравлическую мощь к предстоящим летним поливам.

Вода пришла и преобразила землю, людей.

...В совхоз имени XXIII съезда КПСС мы приехали в разгар сева хлопчатника. Он был создан десять лет назад на целинной земле Вахшской долины. Сейчас в поле были все, кто мог. Пенсионер Сайфиддин Абдуллаев почтительно потчевал механизаторов обильным обедом. Я стала расспрашивать его о себе, но он покачал головой:

— Я старый неграмотный человек, всю жизнь пахал на быках сухую, горькую землю. Теперь радуюсь воде, нянчу внуков, а во время сева прихожу на полевой стан, готовлю обед для сеятелей и завариваю побольше чаю. Вы лучше поговорите с Ильхомом Изатовым.

Ильхом спешил. Норма сева хлопчатника тут такая — 50 гектаров на двух механизаторов. Норму Ильхом с напарником уже перевыполнили и мечтают взять рубеж в двести гектаров: весна запоздала, надо наверстывать.

Ильхом ушел к сеялке, оставляя цепочку легких следов в коричневой, пышной, без единого комочка или камушка земле. Неужели это так взлелеяли ее машины? А может быть, это люди каждый комок растирали ладонями? Ильхом Изатов, лучший механизатор республики, член бюро ЦК комсомола Таджикистана и член ЦК ВЛКСМ, сказал:

— Ладонями всю не разотрешь. Но машинами за десять лет много раз растирали.

Вода... Она вошла в жизнь большим потоком и маленькими ручейками.

Вот какая история произошла недавно в Вахшской долине: Фаткулло Бобоев награжден орденом Трудового Красного Знамени за то, что собрал с гектара по 68,1 центнера... рыбы. Да, именно так, потому что уважаемый Фаткулло работает в рыбном хозяйстве Куйбышевского района, где зеркало прудов исчисляется 165 гектарами. И выращивает он в прудах рыбу, именуемую толстолобиком, карпом и белым амуром. Они все красавцы, и каждый весит от 6 до 20 килограммов. Рыбачьи россказни? Отнюдь нет, сама видела, как толстолобики, амуры и карпы кипятились и бушевали, когда их перемещали из выростных прудов в нагульные.

А то вот еще история с банями.

Колхоз «Россия», что рядом с Душанбе, решил построить баню, да не простую, а национальную — среднеазиатскую. От обычных бань она отличается тем, что у нее горячие полы и скамейки. С ходу прогревает до костей: войдешь больным и усталым, выйдешь здоровым и свежим. Когда-то богатые и знатные баи строили себе такие бани. Но как построить большую, для целого колхоза? Вода есть, деньги есть, проекта нет. Однако «длинное ухо» довело до сведения правления колхоза, что в узбекском городе Намангане живет некий Ходжи-бобо, а у него есть сын Мамаджон и они потомственные строители бань. Ходжи-бобо был приглашен, и приехал, и построил без всякого проекта сказочную баню. В котельной форсунки гонят горячий воздух по кирпичным ходам длиной в 35 метров, благодаря чему прогреваются банный пол и воздух. Слева от входа работает парикмахерская, а справа — чайхана. Уже нет в живых Ходжи-бобо, но оставил он в разных местах Таджикистана своих добровольных помощников и учеников, и работают теперь целебные бани в Гиссаре и Шаартузе, в Регаре и Орджоникидзеабаде — всюду, где есть вода.

Могут сказать: подумаешь, бани! Но ведь это бани в бывших пустынях.

Если раньше маленькая глинистая лужица с красивым названием «хауз», то есть «пруд», считалась большим достижением и счастьем, то теперь в бетонированных бассейнах городов и поселков цветут виктории регии. И обрамлены те бассейны розами всех цветов и сортов, и розы эти прекрасны и благоуханны.

Там, где много воды, часто не умеют ее ценить. А настрадавшийся без воды Таджикистан украшает ее цветами.

Однако за Нуреком, за горным массивом Шар-шар есть Дангаринская долина, где девушки все еще носят воду ведрами. Они качают ее из колонок и добывают из дальних горных источников. И вообще воды в Дангаре маловато. Но уже через каменную гряду с пророческим названием Себистон, то есть «Цветущий яблоневый сад», прокладывается новый тоннель в 13 километров длиной. В 1980 году вода придет и в Дангаринскую степь. В ту самую Дангару, что названа в числе важнейших строек десятой пятилетки. Сейчас здесь растет ячмень. Пастбищные травы сохнут и желтеют в начале лета. Но придет вода и оживит 154 тысячи гектаров. Здесь будет цвести хлопок и будет цвести жизнь. Как в Душанбе и в Нуреке, здесь в жаркие дни и ночи будут журчать фонтаны, и поливальные машины раскинут радужные веера над горячими улицами.

Чтобы представить дома Дангары жаркими вечерами, мы еще раз заглянем в обводненный Яван, в квартиру наших знакомых Рафиевых. А там под вечер было так: мы сидели за пиалами с зеленым чаем, а Бибираджаб время от времени вскакивала, как все хозяйки, и выходила. Потом наконец вернулась, вся разрумяненная, и сказала:

— Зухра, Фаррух, Фозильджон, пора в ванну!

И дети по очереди погружались в благодать.

Вот так же будет и с малышами засушливой Дангары.

Хорошо бы приехать в Дангару через пять-шесть лет. Какой она станет? По чертам Вахшской и Яван-Обикиикской долин можно представить всю будущую силу и красоту Дангары. И легко угадать, что станет она лучшим произведением великой и щедрой таджикской Воды-ханум.

●

Яблоки — круглый год.

Весна.

Нежная-нежная зелень.

ТЕБЕ, ОТКРЫВАЮЩЕМУ МИР

Было это давно. Тогда я еще толком не знал, кто такой Эйнштейн, удивлялся, как это может быть, что «люминий» начинается буквой «а», и «прерогатива» мне почему-то представлялась страшным чудовищем с огромными рогами.

В те времена мне частенько снился такой невеселый сон. Идем мы с мальчишками по берегу моря и собираем раковины. Всем попадаются с красивыми, яркими жемчужинами, а мне — почти всегда пустые. Утром, проснувшись и кляня свое невезение, я цедил про себя: «У, прерогатива!»

Относительно многих слов и понятий заблуждался я тогда, а надоедать взрослым своими бесконечными «почему?» как-то стеснялся. И вот сегодня, когда у меня в руках первый том книги «Что такое. Кто такой», я очень жалею, что наши с ней судьбы разошлись, и она появилась на свет только теперь.

Книга эта написана для ребят, недавно научившихся читать: они смогут найти в ней тысячу ответов на тысячу своих самых разнообразных вопросов.

Из нее ребята узнают о смелых путешествиях землепроходцев и о создателе «Одиссеи», о круговороте азота на нашей планете и о страусе эму, о том, как устроена наша Галактика; о подвигах Ивана Сусанина и Жанны д'Арк; о значении слов «бесконечность», «гипотеза», «душа», «вероятность», о таланте Марии Ермоловой и о княжестве Монако — самом крохотном из государств-малюток; о дивной красоте Венеры Милосской, о том, почему на Луне космонавты не могут разговаривать друг с другом, как на Земле, и еще об очень и очень многом...

Можно ли назвать эту яркую, как игрушка, книгу энциклопедией? И да и нет. Да — потому что она построена на тех же принципах: алфавитный порядок, лаконичность, широта тематики. Нет — потому что этой книге чужды энциклопедическая сухость и академизм.

Еще и еще раз перелистывая ее, я вспомнил свой детский сон и подумал, что процесс познания, наверное, можно сравнить с собиранием раковин: богатство человеческих знаний зависит в конце концов от того, как часто попадаются жемчужины — настоящие умные книги. Думается, к ним не грех причислить трехтомник «Что такое. Кто такой» (изд-во «Педагогика»). Если эта книга встретится на пути человека, открывающего для себя мир, можно считать, что ему повезло и он стал на одну «жемчужину» богаче.

Хочется искренне поздравить с творческой удачей весь авторский коллектив и редакционную коллегию трехтомника, в состав которой входят А. Дорохов, Т. Куценко, С. Михалков, В. Назаров, Л. Разгон и руководитель издательства «Педагогика» профессор В. Разумный.

Сергей ВЛАСОВ

Сергей ВОРОНИН

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

Выше катерок пробиться не смог — начались перекаты, и поэтому капитан дал команду пристать к берегу, и пассажиры — их было всего пять человек — с рюкзаками и вьючными сумами сошли по доске на обрывистый склон, после чего катерок развернулся и пошел обратно.

Отсюда изыскателям следовало пройти еще километров десять до своего участка, и они пошли, привычно выстроившись гуськом. Впереди шагал начальник отряда. Высокая, жесткая трава путалась в ногах, и его время от времени сменял идущий за ним. Всех легче было идти последнему. Он шел как бы по невысокому коридору. Последним был старший техник Коля Кунгуров. Ему недавно исполнилось двадцать три года. Для других такой возраст, возможно, и не имел серьезного значения, но для Кунгурова не только имел, но он даже диктовал ему, потому что Кунгуров строил свою жизнь продуманно. Она была у него вся распланирована,— он знал, когда станет инженером, когда начальником отряда, когда старшим инженером партии, когда начальником партии, когда главным инженером экспедиции, когда начальником экспедиции. И от этого плана он знал, когда женится, когда появятся дети и сколько их будет. План предусматривал все.

Двадцать три года был как раз тот возраст, когда он должен был стать инженером, но для этого ему надо было хорошо поработать, чтобы начальник отряда, довольно скуповатый на похвалу человек, положительно аттестовал его перед будущими изысканиями руководству управления. Поэтому Кунгуров только и думал о том, как бы получше отличиться на этих изысканиях. Правда, это совсем не мешало ему поглядывать на высокую геологиню, идущую впереди него. Ему хорошо были видны ее сильные, длинные ноги. Иногда он даже чуть отставал, чтобы еще лучше было видно ее всю, с крутыми бедрами и тонким поясом, светловолосую, в светлой косыночке. Он знал, что нравится ей, нравится настолько, что она сама не раз с ним заговаривала на катере, а пробыли они на нем двое суток. И все поглядывала на него, и в ее глазах он видел веселую улыбку. И знал, от него зависит, быть геологине счастливой или не быть. То есть пожелай он жениться на ней, и она с радостью пойдет за него. В этом он не сомневался, но жениться по его плану было еще рановато. Только добившись звания старшего инженера, он мог бы себе позволить такое. Да, тут уж он ничего поделать не мог, таков был план, хотя стройная геологиня ему и нравилась.

— Ты чего отстаешь?— крикнула, улыбаясь, она.

Саня и с лица ему нравилась. Правда, хотелось, чтобы глаза были чуть побольше, но и такие были хороши — голубые кусочки в густых ресницах, этакие небесные шмели. И рот у нее был хорош,— когда улыбалась, то все зубы, и верхние и нижние, сверкали, не то что у других, только нижний или верхний ряд.

— Давай быстрей,— сказала она,— смотри, какая туча!

Туча двигалась от сопок, с другого берега. И хотя края у нее просвечивали, но в середине она была черна и плотна. Похоже, несла грозу.

— Боишься?— крикнул Кунгуров.

— С тобой-то?— Она дождалась, когда он подошел.— С тобой не страшно...

— И со мной вымокнешь,— сказал он, как бы сопротивляясь, хотя ему было куда как приятно знать, каким сильным она считает его.

— Так ведь с тобой!— Она шла напрямую и не скрывала своих чувств. И он весело засмеялся, глядя в ее шмелиные глаза.

Им повезло. Даже не пришлось и палатку ставить. На берегу оказался дом, то ли бакенщика,— потому что в хорошую воду катера подымались намного выше, то ли рыбака,— маленькая халупка с крышей и одним оконцем, затянутым сохатиным пузырем, и они, все пятеро, с радостью и смехом забрались в него, потому что к этому времени туча уже захватила реку и внутри ее заворочался гром.

И только они успели мало-мальски разместиться, как тут же посыпал крупный дождь, и словно для того, чтобы он заработал как надо, его подхлестнуло такой яркой молнией, что все в зимовке стало белым, и лица у всех вылепились будто из гипса, и только шмелиные глаза у Сани еще больше посинели. И весело дрогнули, когда над самой крышей лопнул гром. И тут же сразу хлынул навесной ливень. И стемнело. И уже больше за весь этот день не стало светлей. И без перехода сразу наступил вечер.

Изыскатели были рады-радешеньки, что так вовремя им подвернулся этот домишко. И совсем не беда, что не было двери,— главное, крыша над головой, и такая прочная, что дождь шпарит вовсю, слышно, как полосами хлещет по ней, и не протекает. Чего же еще надо? Поэтому изыскатели шутили, смеялись, не торопясь поели, правда, всухомятку, но это дело привычное. А потом стали устраиваться на ночь. Вместо пола в халупке была земля, но земля сухая, отчего казалась даже теплой. Конечно, не мешало бы бросить на нее хотя бы лапника или травы, но если ни того, ни другого нет, то можно и так, сунув под голову рюкзак. Это потом, когда они придут к месту работы, устроятся как следует,— там база, там и спальные мешки есть, и топчаны можно сделать, а пока так. Одну ночь можно и сидя провести, а тут растягивайся во всю длину. Почивай...

Совершенно непреднамеренно, так уж получилось, но Кунгуров лег рядом с Сашей. На что, впрочем, он не сетовал. Больше того, был доволен, что лег именно он, а не кто-либо другой. Хотя другой лег с той стороны Сани, но это был человек серьезный, женатый, к тому же он сразу повернулся к ней спиной и уснул, слегка похрапывая.

А Кунгуров уснуть не мог. Ему не так-то просто было уснуть, когда рядом лежала Саня, и он по ее дыханию знал, что она не спит, и не спит, верно, потому, что с ней рядом лежит он, Кунгуров.

Все больше уснувших включалось в общий храп. Совсем уж стемнело. Стало так темно, что даже проем двери слился с ночным мраком. Гроза ушла, но дождь все шумел и, как видно, не собирался переставать, и поэтому было особенно уютно в этом домишке. Кунгуров пошевелился и нечаянно коснулся рукой руки Сани и замер, не отодвигая свою руку. И она свою не отодвинула. Так они пролежали несколько минут, касаясь друг друга. Тогда он положил свою руку на ее руку. И тут она не оттолкнула, не сбросила его руку. Тогда, еще немного выждав,— уж очень у него колотилось сердце, и, чтобы успокоить его, Кунгуров сделал несколько вдохов и выдохов — по системе «йогов»— и осторожно повернул в сторону Сани лицо, но было так темно, что он ничего не увидел. И тогда потянулся своей головой к ее голове, но не достал и подвинулся, и тут же ее волосы коснулись его лица. Они были легкие, он сдул их и обнял Саню. И она готовно прижалась к нему.

Говорить что-либо, даже шепотом, он опасался, чтобы кто не услышал. Он все же не хотел никаких осложнений. Но, собственно, говорить было и не о чем и незачем. Над головой тоскливо и назойливо гудели комары. Садились на лицо, он смахивал их, но их становилось все больше и больше, и ему было непонятно, откуда они берутся, если вовсю шпарит дождь,— не могли же они под ливнем свободно летать? Да, как ни странно, в такой момент он мог думать и о чем-то постороннем. Но это не мешало ему обнимать Саню. А она прямо-таки зарывалась лицом на его груди, и тогда он поцеловал ее, не сразу найдя губы, сначала в щеку, а потом уже и в губы. И тут услышал, как она прошептала: «Любимый...»

В эту минуту начальник отряда стал чертыхаться, греметь спичками и зажег газетный лист. Оказывается, его зажрали комары. И Кунгурову и Сане пришлось принять такой вид, будто они давно спят и ничего между ними не происходило.

Начальник отряда дожег газету до конца. В домишке стало пахнуть дымом, но комары и не подумали улетать, а еще больше озлились, и изыскатели стали один за другим просыпаться, курить и все чаще ругаться. И только под утро успокоились,— стало светать, и комары улетели. Но дождь все еще шел, размеренный, однообразный, и под него хорошо было спать. И все уснули. Сон сморил и Кунгурова. Сквозь легкое забытье он чувствовал, как кто-то гладит его по щеке, понимал, что это Саня, но так хотелось спать...

А когда проснулся, то было уже солнце, от туч даже и помина не было. В проем двери было видно высокое синее небо. Веял ветерок, и от солнца, от этого легкого ветерка трава быстро обсохла, и изыскатели, не задерживаясь, пошли к своей базе. До нее теперь было совсем недалеко.

Кунгуров опять шел позади всех. Впереди него шагала Саня. И хотя он глядел на нее, но у него уже совсем был другой взгляд. Он вспоминал прошедшую ночь, вспоминал последовательно каждое свое движение и ее движения; как встретились их руки, и как она не убрала своей руки, и как прошептала: «Любимый...» И это значило, что если бы они находились в этом домишке наедине, то ему ни в чем бы отказа не было, и эта ее легкая отзывчивость настораживала. И поэтому взгляд у него был хмуроватый, сосредоточенно-расчетливый.

И еще вспомнилось, когда они выходили из домика, он встретился с ее взглядом. В ее глазах была радость. Даже восторг был в ее шмелиных глазах, тихий и светлый. И это тоже ему не понравилось, было похоже, будто она одержала победу над ним. Поэтому он шел и напряженно думал, и ему представлялось, что у нее тоже есть свой план и в решение этого плана входило «заарканить» его.

«Ну, это-то как раз у нее и не выйдет,— думал он,— хотя она славная». И опять вспоминал ее губы и чувствовал, как сладко сжимается сердце. И это еще больше настораживало...

Потом он встретился еще раз с ее взглядом, это когда они уже подходили к базе. На этот раз в ее взгляде было смущение, и улыбалась она смущенно и тут же отвела взгляд обиженно. Но он и это объяснил по-своему: прикидывается, а возможно, и на самом деле смущена, осуждает себя за легкомысленное поведение. И тогда он отвернулся от нее, так сказать, не принял ее позывных... Да, не надо бы ей так спешить со своей любовью к нему. «Любимый...» Придумала же! Да, своей готовностью любить его она произвела совсем обратное действие. Теперь, утром, это ему особенно понятно. Кто ее знает, может, она так же вела бы себя и с другим?

На этом Кунгуров прекратил раздумывать, потому что решение было принято: в жены она не годилась, да к тому же и план запрещал. И с этой минуты он глядел на Саню, если встречался с ней, так же безразлично, как если бы его взгляд скользил по лиственнице в густом хвойном лесу. И она, конечно, поняла, что та, единственная ночь их близости кончилась там же, в уютном домишке. Вскоре Саня перебралась в другой отряд, и Кунгуров забыл ее.

Но вот что удивительно, вспомнил, когда прошло уже много лет, когда он был не только инженером, но достиг уже положения старшего инженера изыскательской партии, когда был женат и, согласно плану, имел одного ребенка,— так вот, он вспомнил Саню, и вспомнил совсем неожиданно для себя. И только потому, что подумал как-то, что никто, даже жена, не сказал ему того слова, какое сказала в ту ночь Саня: «Любимый...» И, задумавшись об этом, он вспомнил маленькую халупку, вспомнил, как хлестал ливень и как щекотно было его лицу от ее легких волос, и, вспомнив, услышал ее жаркий шепот, и вот тут-то и подумал о том, что ему никто никогда уже больше так не говорил: «Любимый...»

В этот день он крепко поругался с женой и, выкрикивая всякие обидные слова, кричал:

— Ты никогда не любила меня! Ты даже не сказала, что любишь меня! Не назвала любимым! Ты и вышла замуж за меня только потому, что я был инженером...— И еще много всяких обидных слов выкрикивал он, но от этого легче ему не становилось.

ВЕННАЯ НОЧЬ

ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

Фото А. Награльяна.

Н. МОРДЮКОВА,
народная артистка СССР

«И все же главным в познании действительности для художника была и остается повышенная способность к сочувствию, сопереживанию, к тому, что в просторечии зовется сердечностью, любовью к человеку, к жизни во всем ее великолепном многообразии...»

Один из фильмов Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий, профессора Сергея Аполлинариевича Герасимова, которому принадлежат эти слова, так и называется: «Любить человека».

Любить не умиленно, а самой высокой, взыскательной любовью, предполагающей и справедливый суд и доброе участие. Вот, пожалуй, главное, что определяет полувековой творческий путь одного из ведущих наших кинорежиссеров.

...«Только любящему откроется мир»,— сказал как-то Сергей Аполлинариевич. Закон этот непреложен для творчества. Ощутив это очень рано, когда ему еще не было двадцати, юный актер ФЭКСа («фабрики эксцентризма» — творческой группы, объединившей таких же энтузиастов) неистово отдается искусству.

Начав с ролей отъявленных злодеев и авантюристов, Герасимов все сильней ощущает потребность выступать с авторских позиций, нести зрителю свою мысль. Поработав ассистентом режиссера, Герасимов вскоре начинает режиссировать сам, а потом и писать сценарии своих фильмов.

Уже первой серьезной, подлинно творческой заявкой был фильм «Семеро смелых». Этим произведением Герасимов заявил о себе как о художнике крупном, мощном, чьей главной темой является современность. Он верен ей и по сей день.

Страна говорила о покорителях Севера — и Герасимов поставил «Семеро смелых». Первые палатки появились на берегу Амура — Герасимов создает «Комсомольск». Ярость и горе Великой Отечественной войны увековечены в «Молодой гвардии».

Сегодня весь мир озабочен сложнейшей проблемой взаимодействия человека и природы — и появляется картина «У озера», поднимающая вопросы охраны окружающей среды.

«Художник должен быть одержим идеей усовершенствовать мир»,— сказал Сергей Аполлинариевич. Слова эти выражают мысль очень конкретную; Герасимов искренне убежден сам и настойчиво убеждает других: устройство жизни зависит не от кого-то вообще, а от каждого из нас. Истинное творчество предполагает активную позицию для настоящего художника — она есть то главное, ради чего он приходит в искусство.

Давно утвердилась школа Герасимова в кино. Ученики его — и очень известные и совсем юные — продолжают следовать дорогой наставника в творчестве. У него есть и исследователи и последователи, но он не разрешает себе почивать на лаврах.

Сейчас Сергей Аполлинариевич работает над историческим фильмом «Юность Петра».

Неуспокоенность художника несет ему не только радости, но и изнурительный труд и огорчения,— от них никто не избавлен в искусстве, которое, как считает С. А. Герасимов, «призвано будить человеческую мысль, давать пищу уму, тревожить чувства и, быть может, более всего открывать жизненные цели».

ВСТРЕЧИ С

3 июня 1976 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося ученого-хирурга Николая Ниловича Бурденко, организатора советской военной медицины.

В годы Великой Отечественной войны правительство приняло решение — создать Академию медицинских наук СССР. Первым президентом был избран Бурденко.

Вся жизнь его — пример высокого служения науке, народу, пример гражданского и человеческого мужества.

Мы попросили рассказать о встречах с Николаем Ниловичем Бурденко профессора С. М. БАГДАСАРЬЯНА, который длительное время работал с ним.

Впервые я встретился с Николаем Ниловичем Бурденко в 1934 году в стенах 1-го Московского медицинского института имени И. М. Сеченова, в котором он уже в течение 10 лет руководил кафедрой факультетской хирургической клиники. Разумеется, я уже знал о Бурденко как о выдающемся нашем ученом, блестящем хирурге-виртуозе, обращавшем внимание своими тонкими, «изящными» операциями на центральной нервной системе.

Вообще в 30-е годы в Москве много говорили о Николае Ниловиче, об его лекциях. Оживленно обсуждали «бурденковские словечки», его «афоризмы». Иногда остродискуссионные, шедшие вразрез с установившимися понятиями, но всегда дышавшие свежестью выступления ученого вызывали ответные мысли и горячие высказывания.

И вот теперь мне представилась возможность познакомиться с Бурденко лично... Так оно и началось, наше знакомство, перешедшее потом в более близкие отношения, которые оставили неизгладимый след в моей жизни и сыграли большую роль в моей научной деятельности.

Близко узнав Н. Н. Бурденко, я решил написать о нем книгу как о продолжателе дела Н. И. Пирогова — основоположника нашей военно-полевой хирургии.

Николай Нилович работал хирургом-консультантом еще во время первой мировой войны, участвовал в знаменитой Лодзинской операции, где ему приходилось организовывать эвакуацию многих тысяч раненых русских воинов.

После Февральской революции Бурденко исполнял обязанности главного военно-санитарного инспектора русской армии, а после Великой Октябрьской социалистической революции Бурденко работал на самых ответственных участках строительства гражданского и военного здравоохранения.

В гражданскую войну в Воронеже он организует военно-лечебные учреждения, крупный госпиталь для 1-й Конной армии Буденного. С 1923 года, переехав в Москву, становится постоянным хирургом-консультантом Главного военно-санитарного управления Красной Армии.

Как-то я сообщил ему о своем намерении писать о нем книгу. Николай Нилович стал настойчиво отговаривать меня от этой, как он выразился, «затеи»:

— Пишите о Николае Ивановиче Пирогове, вот вам благодарная и благородная тема. — И шутливо добавил: — А для меня достаточно будет и некролога, если, конечно, не пропадет у вас охота к тому сроку заниматься моей особой.

* * *

В начале Великой Отечественной войны Николай Нилович был назначен Главным хирургом Красной Армии, несколько позже ему было присвоено звание генерал-полковника медицинской службы. Надо было видеть, с какой юношеской в свои 65 лет бодростью, с каким воодушевлением выполнял он возложенные на него обязанности.

В сентябре 1941 года над ним разразилось несчастье — инсульт. Добавлю, что к тому времени он совсем потерял слух. Это было тяжелое, удручающее зрелище для всех близко знавших Николая Ниловича. В таком состоянии он был эвакуирован в Омск, но и здесь, будучи больным, он работает в эвакогоспиталях.

Характерно письмо Николая Ниловича, написанное им в это время в Москву одному из ближайших его помощников и учеников — профессору А. Ф. Лепукалну:

«Работаю в трех госпиталях, ставлю диагнозы, наставляю врачей, помогаю при операциях и сам делаю, изучаю последствия фронтовых ампутаций... Вспомнил об «электрическом ноже», применяю его здесь... В апреле все же поеду в Москву... Не могу больше быть безработным!»

Хороша безработица!

По возвращении в Москву ему пришлось все же сначала отлежаться дома, хотя он и стремился поскорее приступить к практической деятельности.

В этот период мы с ним виделись почти каждый день. Помню, свидания обычно начинались с того, что по его просьбе я писал ему о положении на фронтах. Около постели Николая Ниловича висела географическая карта. Читая написанное мною, он внимательно вглядывался в карту, страдальчески морщась всякий раз, когда узнавал, что наши войска вынуждены были оставить тот или иной населенный пункт.

Лежа в постели, он напряженно работал: писал и передавал мне для печати статьи, брошюры, инструкции, руководящие указания хирургам фронтов, редактировал материалы, издаваемые в качестве пособий для работников войсковой медицинской службы.

Лишившись в результате инсульта дара речи, Николай Нилович ежедневно, сидя перед зеркалом, заново «учился» произношению отдельных слов и фраз. Его необычайная сила воли была прямо-таки поразительна! Преодолевая невероятные трудности, он «выучился» говорить и, помню, особенно любил, попросив соединить его с кем-нибудь по телефону, сказать несколько фраз в трубку.

В конце 1942 года я закончил первый вариант биографии Николая Ниловича. С понятным волнением отправил я ему рукопись, сопроводив ее письмом с просьбой внести исправления, дополнения и высказать свое мнение. Через несколько дней раздался телефонный звонок.

— С вами будет говорить Николай Нилович Бурденко.

Я сильнее прижал трубку к уху. Услышал характерный голос:

— Здравствуйте. Вашу рукопись прочитал, сделал кое-какие поправки и отправил вам. Почему не приходите?!

На полях рукописи я нашел 44 пометки Николая Ниловича, отдельно была приложена записка, в которой, между прочим, значилось: «Издавайте свой труд после моей смерти».

Но о смерти Бурденко не думал. Мало того, в 1943 году он отправился на фронт, в военно-полевые госпитали. Мне выпало счастье сопровождать ученого.

* * *

Ранним утром 21 сентября наша машина полным ходом мчалась по Минскому шоссе.

Человек, живой по натуре, склонный к юмору, Николай Нилович умел быстро переводить беседу с серьезных, деловых тем на бытовые, рассказывая интересные штрихи из своей жизни.

— Вчера я был у художника Котова,— говорил он, прищурив глаз.— Он, знаете, пишет меня. Думаю, едешь на войну, мало ли что может быть? Надо посмотреть, что там у него вышло. Захожу в мастерскую. Вижу, портрет внушительных размеров. Глаза какие-то суровые-пресуровые... И вообще такой грозный, что я даже испугался, неужели я действительно такой?

Николай Нилович решил сделать остановку в Гжатске, чтобы осмотреть специализированные госпитали Западного фронта. Дорога была трудная, вся изрытая снарядами. Машина подскакивала и двигалась очень медленно. Вот и Гжатск. Дома разрушены, весь город в развалинах. В центре чудом уцелело большое здание. До войны это была средняя школа, теперь госпиталь.

Заходим в кабинет начальника госпиталя. Вскоре туда же явился начальник группы госпиталей фронтового эвакуационного пункта.

Николай Нилович просит его на листке бумаги нанести дислокацию госпиталей и вкратце дать характеристику ведущим хирургам на этом участке. Многих он хорошо знает, помнит их имена и отчества. Внимательно просматривая истории болезни, Бурденко в иных делает пометки, другие просто откладывает, а по некоторым тут же задает ведущему хирургу вопросы.

Потом начинается обход. Осматривая раненых, Николай Нилович особое внимание уделяет технике и правильности наложения шин. А с хирургами опять разбирает технику операций, подчеркивая, что врач должен даже во фронтовой обстановке оперировать так, чтобы не только спасти раненому жизнь, но и думать о том, как он вернется в строй, как будет жить дальше, после войны.

Прибыв в Смоленск и выполняя большую работу в Чрезвычайной комиссии по установлению злодеяний фашистов, Николай Нилович каждый свободный час использовал для поездок в ближайшие к фронту лечебные учреждения.

Эти эпизоды показывают, как он работал на фронте, работал, несмотря на очень тяжелую болезнь.

* * *

Летом 1946 года его в третий раз поражает удар. Собравшемуся возле его кровати консилиуму врачей он передает поражающую мужественным хладнокровием записку:

«1905 г. — контузия, от которой я начал глохнуть.

1917 г. — другая контузия, от которой я окончательно потерял слух в 1937 г.

1941 г. — я ездил по фронтам и очень уставал.

1941 г. — я подвергся воздушной бомбардировке во время переправы через Неву, около Шлиссельбурга, и вскоре был у меня инсульт.

1945 г. — вновь инсульт. Мне уже 70 лет, пора умереть!!»

Но он не сдался и теперь.

С 1 по 8 октября 1946 года в Москве, в Большой аудитории Политехнического музея, происходил XXV Всесоюзный съезд хирургов — первый послевоенный. Докладчиками на нем были крупнейшие ученые и специалисты страны.

Преодолев огромным усилием воли тяжелую болезнь, лишенный слуха и дара речи, Николай Нилович приехал на съезд и привез свой научный доклад.

Доклад при общем напряженном и взволнованном внимании прочел профессор А. Ф. Лепукалн.

— Довольный, улыбающийся вид Николая Ниловича свидетельствовал о том, что он, все время наблюдавший за аудиторией, когда читался его доклад, был вполне удовлетворен впечатлением, которое этот доклад произвел на съезд. Об этом он со мною переговаривался письменно, — говорил мне Лепукалн.

Доклад был посвящен лечению огнестрельных ранений во время Великой Отечественной войны.

После съезда Николай Нилович написал на клочке бумаги: «Этот доклад — моя лебединая песня: до следующего съезда я не доживу».

Одиннадцатого ноября 1946 года он скончался.

* * *

Прошло почти 30 лет со дня смерти Николая Ниловича Бурденко, и как бы он сейчас порадовался успехам советских медиков, росту самой мирной на свете армии, армии, сражающейся за здоровье и жизнь людей.

Николай Нилович Бурденко.

АКАДЕМИКОМ БУРДЕНКО

Академик Н. Н. Бурденко и профессор С. М. Багдасарьян [рядом, слева] в Смоленске во время работ Государственной Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков, 1943 год. Фотография публикуется впервые.

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Немцы прикладывали неимоверные усилия, чтобы прорваться к Волге, перерезали дорогу Качалинская — Сталинград, давно захватили Овражное, под которым горел «КВ» Дедюхина. Гитлеровцев сдерживали уставшие до предела войска, подходившие и подходившие к линии фронта подкрепления командование почему-то в бой не вводило. Танковыми, стрелковыми, артиллерийскими дивизиями были забиты все прифронтовые селения — Самофаловка, Ерзовка, Желтухин, хутор Верхне-Гниловский, Пашнино... Всем было ясно, что готовилось крупнейшее контрнаступление, которое должно было отбросить немцев от Сталинграда,— об этом говорили в открытую.

Но отрабатывать «аванец» Дедюхину и его экипажу пришлось уже не здесь.

18 ноября под деревенькой Рынок, приткнувшейся на самом берегу Волги, прямым попаданием у «КВ» Дедюхина сорвало верхний люк и кронштейн для пулемета. Дедюхин, матерясь, что их для такого пустякового ремонта отправили аж в Дикову Балку, отстоящую от линии фронта на много километров, все же вынужден был подчиниться приказанию, а 19-го началось знаменитое Сталинградское контрнаступление. Из Диковой Балки было видно, что в той стороне, где находился Сталинград, по всему горизонту стлались черные дымы, а когда дул южный ветер, сюда доносились гарь и запах сожженного тола и железа. Но в Диковой Балке неожиданно оказалась вся танковая дивизия, в которую входил 3-й гвардейский полк. Через день он своим ходом двинулся на станцию Иловля.

— С тылу, с тылу, видно, немцу ударим,— несколько раз говорил Дедюхин.

— Ну что ж, мы специалисты,— каждый раз отвечал ему Вахромеев, заметно повеселевший, отдохнувший.

Но в Иловле их неожиданно погрузили на платформы и куда-то повезли прочь от фронта.

— Интересно,— промолвил Алифанов.— А?

Дедюхин, получивший лейтенанта одновременно с вручением медали «За отвагу», промолчал. Ничего не сказали и Семен с Иваном. Семен, смертельно уставший за последние месяцы, просто был очень рад, как и Вахромеев, неожиданной передышке и тишине. Он большую часть пути пролежал на нарах в теплой, жарко накочегаренной теплушке, раза два за всю дорогу только сбегал к платформе поглядеть, все ли в порядке с их машиной.

Выгрузили их глухой ночью где-то на пустынном перегоне между Липецком и Ельцом. С обеих сторон к железной дороге

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—21.

ВЕЧНЫЙ

вплотную прижимался лес. Шел теплый и густой снег. Семен впервые видел за эту зиму такой обильный снегопад. На душе у него было светло, чисто и радостно. Танки, неуклюже сползая с платформ, уходили в черноту деревьев. Шум их моторов там сразу же глох.

А потом — бои за начисто разрушенное селение с непривычным названием Касторное, удар на Щигры и далее на сам Курск, город, о котором Семен много слышал. Когда он учился в школе, слова «Курская магнитная аномалия» почему-то всегда удивляли и поражали его. Он представлял, что по улицам этого самого Курска валяются магнитные куски железа и это из них делают те магнитные подковки, которые он вытаскивал иногда из старых репродукторов.

7 февраля 1943-го, поздним вечером, их «КВ», исцарапанный пулями и осколками, влетел на окраину какой-то улочки этого города. Город горел, над ним стояло дрожащее зарево, и в этом зареве извивались черные жгуты дымов. Улица была тесной. Впереди, метрах в трехстах, немцы выкатывали из переулка пушку, торопливо разворачивали ее.

«КВ» несся прямо на вражескую пушку, и Семен понимал, что подмять ее гусеницами он не успеет, вон немецкий артиллерист уже поднял руку...

— Алифанов! — привычно прохрипел в шлемофоне голос командира танка, и командир орудия так же привычно отозвался:

— Вижу.

Опустить руку немец не успел: на том месте, где стояла пушка, мгновенно вспух вихрь огня и дыма, оторванный ствол немецкой пушки легко, как сухая палка, взлетел над ним и, крутясь, упал на крышу приземистого домишка, проломив ее...

...Поплескавшись в речке, Семен вылез на травянистый берег, взял пыльную, в мазутных пятнах гимнастерку с погонами, к которым никак еще не мог привыкнуть, отстегнул медаль, положил ее в карман брюк. Снова вошел в речку, попросил у Вахромеева обмылок.

— Еще чего,— буркнул прижимистый Вахромеев, однако мыло подал.— На гимнастерку изведешь, потом морду нечем будет обмыть.

— Не жадничай... Чего это нас сюда перекинули вот, скажи лучше?

— А девкам тут плясать не с кем,— буркнул Вахромеев.

— Болтун ты,— проговорил Семен и покосился на дядю Ивана, который, белея за кустами незагорелым телом, прыгал на одной ноге, пытаясь другую протолкнуть в штанину.

— Мы тут, чую я, все попляшем,— сказал сбоку Дедюхин. Вода была чуть выше пояса. Дедюхин по-бабьи плюхался, приседая, поднимаясь и вновь приседая.— Ох, чую, мужички-сибирячки. Наотдыхались, хватит. Два месяца как в отпуске, на курорте ровно, были. Вроде и не война нам...

* * *

Действительно, почти два месяца танковая дивизия недвижимо стояла на берегу красивой речки Сейм, неподалеку от небольшого городка Льгова, освобожденного в начале марта. По всему фронту в конце апреля наступило неожиданное затишье, не было ни налетов артиллерии, ни самолетного гуда в воздухе. Странно было, что в самом начале мая по кустам и рощам, обломанным колесами танков, пушек и автомашин, искромсанным снарядами и пулями, в зарослях, из которых не выветрился еще запах гари, бензина и пороха, защелкали, затрещали соловьи. «Это же знаменитые курские соловьи!» — сказал тогда Семен удивленно дяде Ивану, а тот, послушав переливчатый звон, кивнул головой и только проговорил: «Ну, наши сибирские-то не хуже».

ЗОВ

За эти два месяца танкисты хорошо отдохнули и отъелись, привели в порядок свои машины. В начале июня их стали посылать на рытье траншей и строительство оборонительных сооружений, которые возводились между Льговом и станцией Лукашевка. Танкисты делали все это охотно: разминали тело от долгого уже безделья.

Вместе с военными на устройстве оборонительной полосы работало много жителей Льгова и Лукашевки, в основном женщины, и однажды Семен кидал землю рядом с худой, молчаливой девчонкой, голова и лицо которой чуть не до самых бровей были замотаны черным платком. Работала она в одиночестве, ни на кого не обращая внимания, ни с кем не разговаривая, не отвечая на шутки, кидала и кидала землю. По лбу ее обильно сочился пот, щипал, видно, глаза, она отворачивалась, какой-то тряпкой протирала их и часто гладила ладонями свои щеки под платком, будто они у нее чесались.

— Ты бы сняла платок-то... Жарища такая,— сказал ей Семен. Она впервые подняла на него глаза, и Семен ужаснулся: глаза ее были старушечьи, усталые и тоскливые до немоты, будто сгоревшие и присыпанные пеплом, в них как-то совсем не проникал солнечный свет, не отражался в них.

Семен, ошеломленный, застыл недвижимо. Девушка усмехнулась как-то странно, тоже неживой усмешкой.

— Ладно, я сниму...

Она поглядела вправо и влево. Траншея, которую они рыли, за ее спиной круто заворачивала, рядом никого не было. Девушка грязными пальцами развязала на шее платок, сдернула его, и Семен почувствовал, как разливается холодок у него в груди. Вся голова девушки была покрыта частыми белыми, как бумажные клочки, плешинами, меж которых торчали пучки светлых, коротко обрезанных волос, а во всю правую щеку пузырем лежал красный безобразный рубец. В платке девушка казалась симпатичной и даже красивой, а сейчас стояла перед ним страшная и обезображенная.

— Это...что же с тобой?— спросил Семен, в чем-то пересиливая себя.

— А прокаженная я...— И, глянув на застывшего Семена, еще раз усмехнулась:— Не бойся, я не заразная. Серной кислотой это я себе голову сожгла.

— Сама?! — удивленно выдохнул он.

— Сама...

— Зачем?

Девушка туго замотала опять голову, отвернулась и, кажется, заплакала.

— Семка, шабаш,— сказал подошедший Вахромеев, поглядел на девушку.— Строиться кричат.

— Сейчас... Больно ж, должно, это,— сказал Семен, понимая, что говорит не то.

— Под фашиста лечь, что ли, легче?! — зло повернулась девушка, в глазах ее впервые блеснуло что-то гневное и живое.— Ступай отсюда! Стройся.

— Что ты орешь на меня?— рассердился Семен.— Я перед тобой виноват, что ли?

— Не виноват. И ступай!

Семен повернулся и пошел, спиной чувствуя тяжелый, ненавидящий взгляд. Обернулся: она действительно глядела на него своими мертвыми, стылыми глазами.

— Как тебя звать?— неожиданно спросил он.

— Ну, Олькой Королевой...— Она скривила губы презрительно.— Тебе это очень надо?

Он не видел ее потом недели две — то ли она не ходила больше на рытье траншей, то ли работала где-то на другом конце,— но думал о ней все время, вспоминал ее злые слова: «Под фашиста лечь, что ли, легче?» — вспоминал часто Наташку, и ему казалось, что ее судьба чем-то схожа с судьбой этой Ольки.

По вечерам танкисты стали похаживать в Лукашевку, полностью почти разрушенную немцами, где в длинном кирпичном сарае, уцелевшем каким-то чудом, крутили уже кино. Сперва повадился туда Вахромеев. Он стал вдруг каждый вечер тщательно бриться, а потом и пришивать свежие подворотнички из ослепительно чистого, неизвестно откуда взявшегося у него куска новой простыни. Все это Дедюхину не очень нравилось, и он едко спросил однажды, покашливая:

— Гм... Это ты, Вахромеев, где воротнички-то берешь?

— Натокался, товарищ лейтенант, на одну благодетельницу. Может, и ты... пойдемте. Кусок простыни еще найдется.

— Разговорчики! — повысил голос Дедюхин.— Гляди у меня, не окажись в нужный момент на месте!

Однажды Вахромеев уговорил «сбегать на пару часов в Лукашевку» и Семена, таинственно намекая на что-то. Семен раза два бывал в Лукашевке по службе и до этого, идти ему с Вахромеевым не хотелось, но разбирало любопытство глянуть на его таинственную благодетельницу. Это оказалась особа далеко не молодых лет, рыхлая, со скрипучим голосом, но одетая чисто и аккуратно. Она жила, как и многие, в наспех сколоченном дощатом сарае. На железной койке, недавно покрашенной суриком, лежала пышная постель. Приходу Вахромеева и Семена она обрадовалась, тотчас юркнула куда-то, появилась с костлявой девицей, которая вошла в сарай, прислонилась неловко, боком к щелястой стенке и побагровела, будто от натуги.

— Это Зойка, мы вместе тут работали до войны в столовке. Официантки мы... Сейчас столовая наша отстраивается, мы покуда на стройке работаем. Знакомьтесь, что ли. Зойка у нас стыдливая. А меня зовут Капитолина.

Семен буркнул свое имя, пожал жесткую ладонь Зойки, жалея, что пришел сюда с Вахромеевым. Думал он в этот момент об Ольке и еще о том, что вот эти две девицы, наверное, напропалую жили с немцами, потому вон и сытые, в теле, Зойка хоть и костлявая, но тоже крепкая.

— У меня, Вахромейчик, кое-что есть!— воскликнула Капитолина, тряхнула кудряшками, полезла за кровать и вытащила водочную бутылку, заткнутую деревяшкой.— Вот!

Бутылка была неполной, водки в ней было чуть побольше половины. Капитолина все это разлила на четыре части в граненые стаканы. Семен давно не видел домашней посуды, и при виде обыкновенных стаканов у него в груди что-то пролилось теплое, будто он водку эту уже выпил. А Вахромейкина благодетельница, как он с неприязнью назвал про себя Капитолину, глянула на Зойку, все такую же сморщенную и багровую, отлила из своего и ее стаканов в какую-то чашку.

— Это Ольке,— сказала она, извинительно глядя на Вахромеева.— Ну, мальчики, выпьем, потом потанцуем. У меня, Семен, патефон есть, вон он, и две пластинки. Потом в кино пойдем.

— Кому, кому это?..— кивнул Семен на чашку, куда Капитолина отлила водки.

— Ольке, говорю, связной нашей. Ну, Вахромейчик, сладенький мой...

— Какой связной? Погодите,— попросил Семен.

Вахромеев хитро подмигнул, выплеснул в широкий рот водку, взял с полки патефон и, накручивая пружину, сказал:

— А той самой, с которой ты в траншее любезничал. Она в ихнем партизанском отряде разведчицей и связной была...

— Вы... партизанили?! — повернулся Семен почему-то к Зойке, еще более от этого смутившейся.

— Ну да,— сказала она, опуская глаза.— Вон с Капитолиной вместе...

— Господи, ну что это вы, будто младенцы какие! — закричала Капитолина, раскрасневшаяся от глотка водки.— Ты, Зойка, немцев, как траву, косила из автомата, а тут...

— А тут что-то мне страшно,— тихо и беспомощно сказала Зойка.

— А ну-ка, живо плясать!

Зойка несмело взглянула на Семена. Замученная пластинка хрипела. Семен, тоже волнуясь теперь, шагнул к девушке, положил руку ей на спину и тотчас почувствовал, как она вздрогнула.

Танцуя, он видел красную, заветренную щеку Зойки, чувствовал, как эта щека и открытая, упрямая шея пышут жаром. «Надо же, что я подумал о них, об этой Зойке и Капитолине, а они...» — Мучился он, краем глаза, стыдясь, наблюдал за Капитолиной: плотно прижавшись к Вахромееву, она водила его вокруг стола, на котором стояли пустая бутылка, четыре граненых стакана и чашка.

— А вы ее пожалейте, ладно? — услышал вдруг Семен.

— Кого?

— А Ольку. Она хорошая, и ей ничего не надо... Она сейчас придет, мы ей сказали.

Семен невольно остановился. Он заметил, что Капитолина, все прижимаясь к Вахромееву, повернула к ним с Зойкой голову, и в ту же секунду Зойка требовательно сжала ему плечо, и он, подчиняясь, стал танцевать дальше.

— Олька все спрашивала об вас у Вахромеева,— зашептала ему в ухо Зойка.— А он нам рассказал, что она об вас спрашивала. Ну вот мы с Капитолиной и попросили Вахромеева, чтоб он привел вас... Это ничего, да?

— Да что же...— проговорил Семен.— Только ведь что же я могу ей... У меня жена и дочь.

— Ой, ну до чего же бывают непонятливые болваны! — прошипела она ему в ухо, и Семен остановился.— Ну что вы столбом встали? Танцуйте.

Вот тебе и Зойка! Теперь он верил, что эта девица могла резать немцев из автомата, как траву косой.

Он теперь все время ждал, когда она придет, эта Олька с неживыми, потухшими глазами, как-то отрешенно и холодно размышлял: о чем же это он с ней будет говорить? И вообще как это так — пожалейте? Как он должен пожалеть ее? Что это они придумали? Уйти, что ли, отсюда?

Но Семен понимал, что уходить ему нельзя, и в то же время отведенная ему кем-то роль жалельщика оскорбляла его, он раздражался, и Зойка, эта смущающаяся девица, вроде бы чувствовала, угадывала его состояние, время от времени предостерегающе сдавливала его плечо сильными пальцами.

Олька появилась неожиданно. Семен увидел ее, когда она уже стояла спиной к запертой за собой дощатой двери в сарай, обеими руками держась за железную скобку. Голова и лицо ее были так же глухо повязаны платком, но теперь белым, с синими цветочками по краям. Она стояла, сильно вытянувшись, готовая в любую секунду ринуться вон. Простое ситцевое платьишко туго облегало ее фигурку, выделяя крутые плечи и сильные груди.

— Олька, Олечка!— вскричала Капитолина, бросаясь к девушке, обняла ее за плечи, прижалась к ее закрытой платком щеке губами.— А у нас гости. Вот, знакомься, это Семен, товарищ боевой моего Вахромейчика.

— Здравствуй,— кивнул Семен, не переставая танцевать.

— Добрый вечер,— промолвила Олька.— Да мы знакомы.

— О-о! — громко удивилась Капитолина.— Когда же вы успели?

— А там, на траншеях...

— Ну и распрекрасно, коли так... Ты выпьешь, Олечка? Вон мы тебе глоточек оставили. И корка хлеба есть зажевать.

— А что ж, и выпью.

Она подошла к столу, глотнула из чашки, даже не поморщившись, будто воду. Семен с Зойкой все топтались у противоположного края стола. Вахромеев, стоя у спинки кровати, чиркал зажигалкой, Капитолина держалась обеими руками за его локоть и что-то говорила. Пластинка, прохрипев, перестала. Семен и Зойка остановились. В сарайчике возникла какая-то неловкость. Капитолина бросилась было к патефону, но, покрутив ручку, выдернула ее, захлопнула крышку и решительно объявила:

— Вот что, хватит, идемте в кино. По воздуху пройдемся...

Вечер был душный и тихий, высоко в небе густо стояли звезды, извечная молчаливая тоска лилась сверху. Семен шагал рядом с притихшей как-то Олькой (Капитолина, Зойка и Вахромеев, похохатывая, ушли вперед), вдруг остро ощутил эту тоску. Под этими звездами, думал он, лежит сожженный поселок Лукашевка, и много-много таких Лукашевок, лежит развороченная и обугленная земля, которой не дали по весне расцвести и не дадут осенью принять в себя семена. Потому и мерцает так печально над ней молчаливое звездное небо, вобравшее нынче в себя дымы неисчислимых пожарищ, тяжкие стоны изувеченной земли...

Олька неожиданно и молча свернула в сторону, туда, где среди пепелищ торчала, белея во мраке, печная труба. Вокруг уцелевшей печки были уложены пять или шесть венцов нового сруба. Неподалеку, на другом конце улицы, стояло одинокое дерево.

— Вот дед мой строится,— сказала девушка, став спиной к невысокой стене.— Никого у меня нет, один дедушка остался. Печка вот неразрушенная совсем, дедушка обрадовался. Кирпича-то, говорит, негде взять на печку, а нам и не надо... Покуда вон в палатке живем.

Девушка кивнула куда-то, но Семен никакой палатки не увидел поблизости.

Потом он долго глядел на белеющую во мраке печь, вспомнил вдруг свой дом в Шантаре, такую же печку и подумал, что ведь печки — непременные участники жизни людской, вместе с людьми они делят человеческие радости и невзгоды, и судьбы у печек, как у людей, бывают разные, у каждой своя. И вот эта, уцелевшая при пожаре, но пока мертвая, давно остывшая, возродится к жизни, задымит, когда дом будет отстроен, возвещая, что жизнь неистребима и неостановима, какие бы несчастья и трагедии на нее ни обрушивались. И вот эта Олька залечит скоро все свои раны, хотя волосы на месте белых проплешин вряд ли отрастут, так и останутся эти проплешины на всю жизнь. Да и рубец на щеке, видимо, останется. Но дурак будет тот парень или мужик, который из-за этих проплешин и обезображенной щеки отвернется от нее. Может так случиться, и Олька это знает, чувствует и страшится. Но все равно, размышлял Семен, найдется рано или поздно человек, который возьмет ее в жены не из жалости к ее судьбе и ее мукам, который лишь поразится той цене, которую она заплатила, чтобы сохранить чистоту своего тела и своей души. И тогда она, благодарная, отдаст тому человеку всю себя без остатка, она родит ему сыновей или дочерей, то есть исполнит то, что ей предназначено жизнью...

Так он думал, не зная и не предполагая всю глубину ее трагедии.

— А эти... Капитолина с Зойкой в самом деле партизанили? — спросил он, поворачиваясь к ней.

— Не веришь? — Олька усмехнулась невесело. Но Семен обрадовался, что она хоть так усмехнулась.— Они с Капитолиной поездов пять с немцами, с разными ихними машинами под откос пустили. Не считая всякого другого. Зойка — та особенно отчаянная...

Она помолчала.

— Как же это... такое с тобой, Оль? — проговорил он тихо.

Олька поняла, о чем он спрашивает, встрепенулась вся, вытянула замотанную платком голову, часто задышала.

— Жалеешь меня?

— Да нет...— сказал машинально Семен.

— Ишь ты, гусь! — еще больше задыхаясь, прохрипела Олька.— Не жалко, значит? Ну да... что я тебе? Пришел — увидел, ушел — забыл...

— Что ты к словам-то придираешься?— рассердился и Семен.— По-человечески надо все... И говорить и понимать.

— По-человечески! А вот ты... поймешь разве?

— Так ты расскажи...

Неожиданно Олька вхлипнула, уткнулась ему в грудь. Он почувствовал ее горячий лоб, растерялся, подрагивающими руками погладил по девичьим плечам, ощутив до пронзительности их беспомощность и доверчивость.

— Ну что ты, Олька? Не надо...

— Не надо... Конечно, не надо,— повторила Олька, тихо и покорно оторвалась от него.— Они добрые, Зойка с Капитолиной. Это они попросили, наверно, Вахромеева позвать тебя. А мне зачем?

— Да я же и не знал, что... что тут живешь ты.

— Вот и не ходи больше. А Вахромеев пусть ходит. После войны они договорились с Капитолиной пожениться. Капитолина влюбилась без памяти. Сколько было в отряде партизанских мужиков — она хоть бы тебе что, а тут в два или три вечера влюбилась. Вот как бывает непонятно. Хочу, говорит, чтоб к концу войны от тебя ребенок уже родился. Ты воюй, а я твоего сына хочу в это время в себе носить. Ты это ее желание понимаешь?

— Не знаю,— сказал Семен, чувствуя, что Олька говорит о чем-то большом и важном, совсем не по-девчоночьи, по-взрослому.

— А я понимаю. Капитолина добрая. И Вахромеев тоже. Это хорошо, что они встретились друг для друга.

— Конечно... Ты знаешь, Оль,— сказал вдруг Семен, улыбнувшись, и тронул ее за плечо.— Ты тоже добрая и тоже встретишь такого же парня, который тебя полюбит, как Вахромеев...

Ольга поежилась, отодвинулась от его руки, замолчала. Семен, чувствуя какую-то свою вину перед ней, тоже ничего не говорил. Они стояли и молчали, а над ними печально горели звезды.

— Ладно, я тебе расскажу, почему я... как все произошло это,— тихо проговорила,

В МАСТЕРСКОЙ АЛЕКСАНДРА ШИЛОВА

Художник Александр Шилов известен читателям «Огонька» по публикациям на цветных вкладках в номерах 36 и 51 за 1975 год. Редакция получила много писем с просьбой рассказать, над чем сейчас работает молодой живописец, и познакомить зрителей с его новыми работами.

В мастерской А. Шилова на стенах — пейзажи, натюрморты, портреты — сверстники художника, студенты, пастух из смоленской деревни. Вот люди, хорошо нам всем знакомые: народный артист Советского Союза С. Я. Лемешев, лауреат Ленинской премии, солист балета Большого театра М. Э. Лиепа. На мольберте — подготовительный набросок к портрету летчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза П. И. Климука.

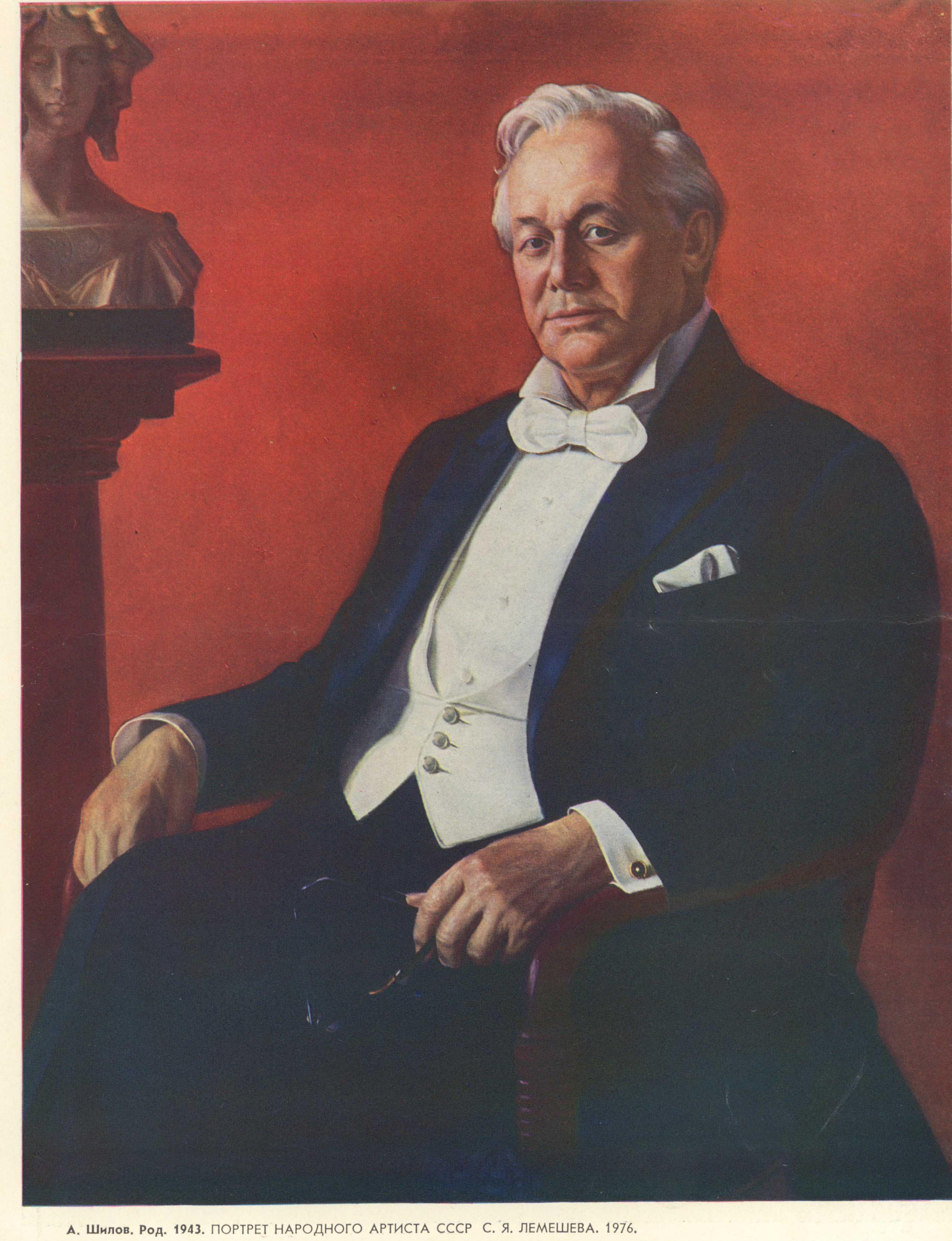
— Это большая честь для меня — писать популярных, любимых в нашей стране людей: мужественных покорителей космоса, прославленных артистов,— говорит художник.— Безмерно рад, что мне довелось работать над портретом Сергея Яковлевича Лемешева. Помню, как в юности был увлечен его искусством, его голосом, с каким наслаждением слушал его пение.

Мариса Лиепу я видел во многих спектаклях, и мне захотелось написать артиста в образе одного из его героев. Пожалуй, в роли Красса с наибольшей силой раскрылся талант танцовщика, его драматическое мастерство, и я старался передать в портрете тот характер, тот образ, который Лиепа создал в «Спартаке».

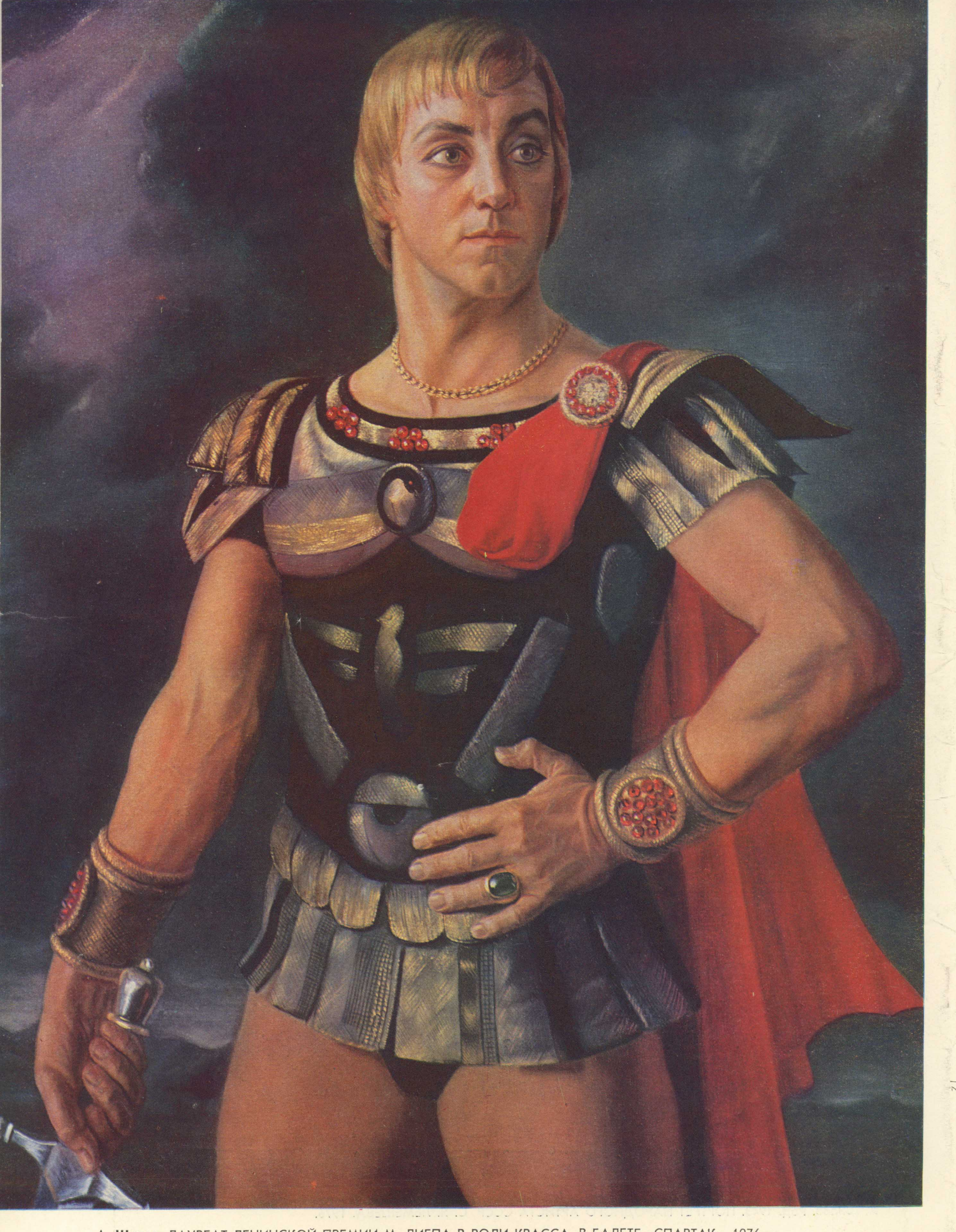
Александру Шилову посчастливилось писать многих летчиков-космонавтов. Совсем недавно он закончил портрет В. И. Севастьянова, дважды Героя Советского Союза.

— Каждая такая работа — огромное событие,— продолжает живописец.— Это встреча с подвигом, мужеством, волей, незаурядным интеллектом и трудолюбием.

Что касается дальнейших планов, то это, конечно, желание совершенствовать мастерство и работать, работать, писать людей, перед делами и искусством которых преклоняюсь.

А. Шилов. Род. 1943. ПОРТРЕТ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР С. Я. ЛЕМЕШЕВА. 1976.

А. Шилов. ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ М. ЛИЕПА В РОЛИ КРАССА В БАЛЕТЕ «СПАРТАК». 1976.

почти прошептала Олька, потуже завязывая платок.— Я тоже хотела вместе с Зойкой и Капитолиной в партизанский отряд. Но меня попросили остаться тут... Лукашевка же станция, хоть небольшая, а через нее поезда идут и идут. Я должна была следить, куда они идут, сколько и с чем составы. Кого-то надо было оставить, вот меня и оставили. И я следила, раз в неделю ко мне из отряда приходили, я им все передавала. А когда не приходили, значит, нельзя было, тогда я в условленном месте знаки оставляла...

— Какие знаки?

— Ну, всякие... Если клала три камешка один за другим, значит, три состава с разной техникой на Курск прошли. Ежели укладывала их кучей, значит, на Льгов. Каждый камешек значение имел. Плоский — танки, круглый —пехота... Целая азбука была у нас составлена. Но лучше, когда приходили. На словах-то все можно подробнее... И что на станции делается, что в селе.

Теперь она стояла, опустив голову. Будто забыла, что дальше ей говорить, и мучительно вот вспоминала. И вдруг опять еле слышно всхлипнула и заскулила тихонько, как щенок.

— Не надо, Оль... рассказывать, коль тебе трудно,— проговорил Семен.

— А у меня красивые волосы были, я их боялась,— неожиданно сухим голосом произнесла девушка, смахнула пальцами слезы с ресниц.— Потому что однажды три немца остановили среди поселка. Патрули. Платок сорвали с меня, волосы упали на плечи, они начали их... лазают в них холодными пальцами, бормочут по-своему... Один даже понюхал их. Потом спрашивает по-русски: «Где твой дом? Пошли!» Что же мне делать? Повела, иду, а сама думаю: на улице же среди бела дня не посмеют со мной ничего... А коли там, дома... Ну, там видно будет, у меня в сенях граната припрятана, может, сумею схватить... Они привели меня, мать побледнела. Один немец, который волосы нюхал, говорит: «Ого, матка тоже нестарая... Не пускай свою дочь на улицу, а то солдаты увидят...» И загоготали все, ушли, громыхая сапогами. Мать говорит: «Слышишь, надо скрываться, чует мое сердце...» Ты, говорю ей, иди, а я не могу, ты же понимаешь... А волосы я обрежу. А мать свое: «Олюшка! Я глаза ихние видела, надо уходить от греха!» «Да ты подумай,— говорю,— как я объясню своим, из-за чего уйти отсюда хочу, чего испугалась...» А так и объясни, я сама вот объясню, нечего девку тут держать, давай укажи мне, как партизанов твоих найти, где они. Сама я твое дело лучше делать буду...»

Над разрушенным поселком по-прежнему стояло полнейшее безмолвие, не лаяли собаки, их просто не было, немцы, объявившись тут в конце октября 1941 года, перестреляли их за неделю. Где-то, наверное, возле кирпичного сарая, служившего клубом, вспыхивал временами девичий смех и тут же гас, как бессильный огонек. Семену показалось вдруг нелепым и непонятным то обстоятельство, что поселок лежит в развалинах, ведь войны никакой нет, а те жестокие бои, в которых он сам участвовал под Сталинградом и тут, под Курском и Льговом, не то приснились ему, не то он когда-то видел все это в кино.

Олька вернула его к действительности своим уставшим, измученным голосом:

— Отец мой погиб на финской, с мамой мы, с дедушкой да бабушкой жили недалеко за Орлом, в деревушке Шестоково. А перед самой войной сюда переехали. Матери было сорок семь лет, но ее годы ей никто не давал, она была и в самом деле как девчонка, красивая, легкая. Немец тот правильно и сказал, что мама нестарая... Ну, волосы я под корень обрезала и в самом деле стала думать, как же мне быть теперь, может, и вправду пусть мать объяснит все в отряде, мне самой этого не сделать, да и стыдно, а я могу и составы подрывать, как Зойка с Капитолиной... Жду я человека из отряда, а его все нет и нет. Это было осенью сорок второго, партизан в болота тогда оттеснили, никто и не мог ко мне прийти... И вечером... дождь шел, холодный, осенний... Загалдели, затопали в сенях, слышим, мать опять побледнела и только сказала: «Вот оно... я говорила!..»

Голос у Ольки совсем обессилел, прервался, она часто и тяжко задышала, опять заплакала и потянула ладони к глазам.

— Нет, я не могу! Я самое страшное видела! Они маму... на моих глазах изнасиловали...

— И не надо, хватит,— сказал Семен поспешно, чувствуя, как копится у него под черепом какой-то горячий взрыв.

— Что хватит? Что хватит? — Голос девушки вдруг зазвенел от ненависти.— Тебе... и слушать невмоготу, а мне... Нет уж, послушай ты! Чтоб знал, с кем воюешь!

— Да я знаю... Оля! — Он дотронулся до ее плеча.

— Не знаешь! Это я знаю! Разве это люди? Их разве женщины рожают?

Прокричав это, она затихла, лишь подрагивало ее плечо. Потом она повела им, требуя убрать руку, долго молчала, разглядывая что-то в темноте перед собой, кажется, белеющую посредине сруба печь, ладонью поглаживала бревно будущей стены дома.

— Их было четверо, немцев,— прежним, уставшим голосом продолжала она.— Те трое и еще один какой-то... Они пришли пьяные, завалили стол фляжками, банками, объявили, что в гости пришли, керосину в канистре принесли. Предусмотрительные. Керосину в деревне ни у кого не было, как подступает ночь — пораньше укладываются все, чтоб засветло... Сами заправили лампу, зажгли. Потом тот, который нюхал мои волосы, подошел, смеясь, ко мне, сорвал платок, и смех его застыл на хорячей морде. Лицо у него было острое, как у хорька... И глаза выпучились, чуть не полопались. Волос у меня не было, а вся голова в струпьях... Это бабка моя, что, говорит, делать-то, внученька, сернистой кислоты у меня гдето маленько есть в пузырьке, давай сожгем маленько кожу, тогда, может, побрезгуют, не опоганишься об них, у бабы должна быть душа и тело чистыми, а болячки заживут. Ну, я и... Только я не знала, что это так больно... Ну, да это ладно... В общем, заревел немец коровой, кинулся почему-то к бабке, будто знал, что она меня научила, затряс ее. Она ему стала объяснять, тыкая в меня пальцем, что, мол, неизвестная болезнь девчонку начала есть, может, и заразная. «Ладно! — сказал немец по-русски. Долго они тут хозяйничали, сволочи, по-русски многие научились говорить.— Ты, старуха, ступай на улицу, не мешай нам...» И вытолкал бабушку в сени, захлопнул двери. А деда не было дома, он в лес за хворостом пошел с обеда и еще не вернулся. Потом немец подошел к столу, начал пить прямо из фляжки. И вдруг крикнул что-то по-своему тем троим. Они набросились на мать, повалили ее прямо на пол, оборвали на ней худенькое платье... Прямо один немец схватил ручищей за ворот и рванул... Как она, мама, кричала и билась, они втроем ничего с ней сделать не могли... Потом один схватил банку с консервами и ударил ее по голове...

Олька говорила теперь все это голосом глуховатым, бесцветным, и Семену казалось, что он слышит не настоящий, живой голос, что к нему доносится откуда-то его эхо, то затихая, то усиливаясь. В груди его саднило, там растекалось что-то горячее, хотелось глотнуть хоть немного свежего и холодного воздуха, но воздуха вокруг не было, была черная, удушливая пустота.

— Я не знаю... я не видела, что было дальше,— пробивался откуда-то к Семену голос Ольки.— Я только слышала, как мама простонала последним стоном: «Доченька... не гляди, зажмурься...» Я не могла глядеть и без того... потому что немец... который из фляжки пил... царапал пальцами мои груди и живот... Он замотал мне чем-то голову... Он пытался справиться со мной на кровати... Я не знаю, как мне удалось его отбросить, он был сильный... Но он почему-то слетел с кровати, ударился вон об ту печку. Наверно, я как-то изогнулась и отшвырнула его ногами. Пока он вставал с пола, я сбросила с головы тряпку, метнулась мимо него в сени, там сунула в кошачий лаз руку и схватила гранату. Все произошло в какую-то секунду. Когда я с гранатой в руке метнулась к двери в комнату, немец только еще вставал с пола. А тот, который мать... насиловал, повернул ко мне голову... Это я заметила. Повернул — и моргает, моргает испуганно. И еще окровавленную голову матери увидела, почерневшие ее губы. «Доченька, бросай... бросай...» — прохрипела мама этими губами. Я выдернула чеку... Немец, который вставал с пола, шарахнулся назад, к тем троим, которые возле мамы. «Кидай же!» Это опять мама, голос ее расколол мне голову. Я кинула туда гранату. Какая-то сила шатнула меня, чуть в бок от дверного проема. Помню, будто молотом кто в лицо ударил. Это осколком меня сюда...— Она дотронулась пальцами до правой своей щеки.

Боли в груди Семен теперь не чувствовал, там все будто омертвело, опустело, зато в голове начался тяжкий и больной гуд, как от грохота ударившего в танковую броню снаряда. Он поднял голову и взглянул в небо, рассчитывая почему-то и там увидеть одну черноту, но, нет, звезды не погасли, они по-прежнему сияли в невообразимой высоте, бесшумно и равнодушно.

— Дом от того взрыва загорелся и сгорел,— продолжала меж тем Олька очень тихим голосом.— Когда он загорелся, в сени заползла с улицы бабка, застонала: «Господи, ты в крови вся! Спрятайся, убегай, коли можешь, немцы на пожар бегут...» Не помню, как выползла я из сеней на крыльцо, побежала в темень, через огороды. На краю деревни дедушку встретила с хворостом, он только охнул, бросил хворост... Потом побежал куда-то. Я, помню, долго сидела под дождем в каких-то кустах, все ждала его, оторвала от кофточки кусок, прижимала разорванную щеку тряпкой этой... Дед приплелся не скоро, плюхнулся мешком и еще долго лежал недвижимо... Потом сказал, что нету больше у меня и бабки, немцы забрали и не выпустят ее... И точно, ее повесили через два дня. Она сказала им, что это она кинула гранату в немцев, которые дочку ее опоганили... мою маму. Они, наверно, не поверили ей. Бабке разве кинуть гранату, она разве знает, как с ней обращаться? А я еще в школе обучалась... Но все равно бабушку повесили, нас с дедом искали... Да мы в лесу таились, а после в отряд кой-как пробрались...

Она замолкла, и Семен молчал, не в состоянии произнести что-то и понимая, что любые его слова будут сейчас жалкими и беспомощными. И долго они стояли так в безмолвии...

Наконец Олька вздохнула глубоко и сильно. Семен почувствовал вдруг, каким-то чутьем понял, что ей легче оттого, что она рассказала обо всем этом, что ей надо было об этом рассказать кому-то постороннему. Он пошевелился, и она, стоявшая к нему боком, неожиданно вскинула туго обвязанную платком голову, повернулась и, глядя прямо в лицо, проговорила отчетливо:

— Ты сказал, найдется для меня парень... А вот ты... можешь меня такую... поцеловать?

Он потерянно молчал, удивляясь ее вопросу. Но это даже был не вопрос, а просьба, он это чувствовал по ее голосу.

— Ну, что же ты?! — воскликнула она насмешливо.— Немец тот, может, и заразный был... Так ведь он только когтями по телу поскреб. А больше ко мне ни один мужик не притрагивался... Ну, сейчас темно, болячек моих не видно. Ну?!

Девушку била истерика. Глаза ее сверкали, вся она дрожала, и это странным образом подействовало на Семена.

— Ну что ты...что ты,— произнес он, шагнул к ней, и взял ее за плечи, и, чуть склонившись, хотел отыскать ее губы. Но она, тяжело дыша, повела головой в сторону, вывернулась из его рук, отбежала прочь. Возле одиноко торчащего на другой стороне улицы дерева остановилась, обернулась.

— Жалельщик какой нашелся! — крикнула она с яростью.— Это все они — Капитолина с Зойкой... А мне не нужно! Ничего не надо, поня-атно!

«Атно-о!» — эхом взлетел в молчаливое звездное небо ее крик.

Когда эхо умолкло, девушки возле дерева уже не было.

Продолжение следует.

Галина Филатова на рекордной высоте — 1 метр 90 сантиметров.

ОЛИМПИЙСКАЯ

Гостеприимная Украина.

В. ВИКТОРОВ,
Н. КОЗЛОВСКИЙ

Нам повезло: нашей соседкой по ложе прессы на киевском стадионе во время матча легкоатлетических команд СССР и Великобритании оказалась Вера Крепкина, участница первого матча 1954 года в Лондоне и олимпийская чемпионка римской Олимпиады по прыжкам в длину. Теперь Вера Самойловна, воспитательница юных легкоатлетов, привела своих учеников на сегодняшний матч.

— Да, много воды утекло за два десятка лет,— сказала нам знаменитая спортсменка.— Посмотрите, как за это время преобразилась техника, как выросли рекорды! Вот, например, мой вид спорта. Во времена нашего первого матча с англичанами всесоюзный рекорд по прыжкам в длину был равен 6 метрам 27 сантиметрам, а недавно Лида Алфеева смогла приземлиться на отметке 6 метров 76 сантиметров. Что же удивительного в том, что она сейчас легко добилась победы?

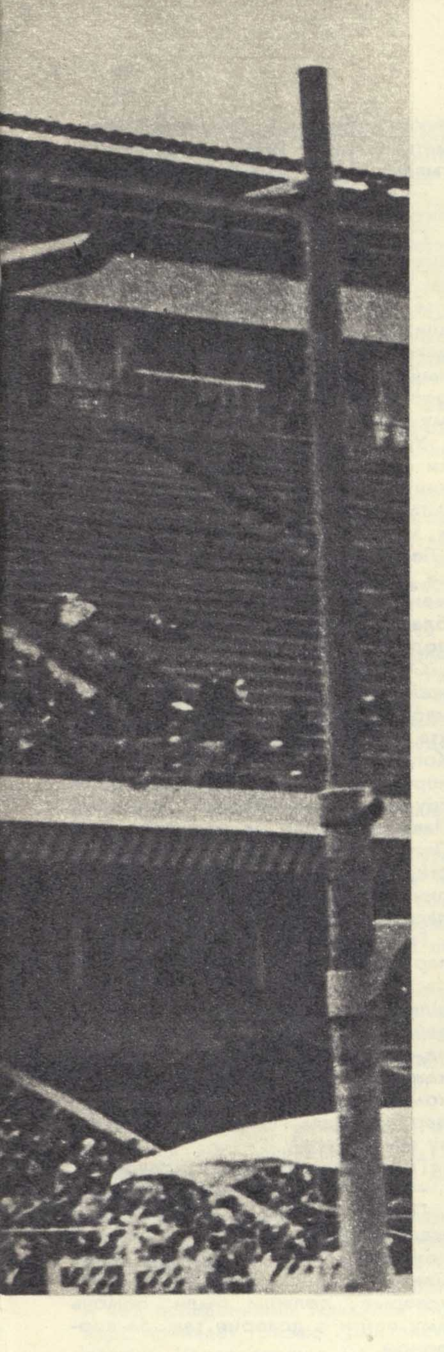
Да, Лида Алфеева, наша сильнейшая прыгунья в длину, добилась в Киеве убедительной победы, и не ей одной это удалось. Сам счет матча 428 : 253 в нашу пользу говорит за себя. Из 34 видов легкой атлетики, включенных в программу матча, советские спортсмены победили в 26. Установлено три новых всесоюзных рекорда: у мужчин в прыжках с шестом, а у женщин в прыжках в высоту и в эстафете 4×100 метров. Это, конечно, очень приятно, но еще важнее, что «примерка» перед отъездом в Монреаль показала, как день ото дня растет спортивная форма, улучшаются результаты наших атлетов. Олимпийские модели оказались по плечу советским спортсменам.

Спринтеры в отсутствие олимпийского чемпиона Валерия Борзова показали достаточно высокие результаты. Николай Колесников победил на дистанции 100 метров, а Александр Аксинин в беге на 200 метров.

Если ученица Владимира Михайловича Дьячкова Галина Филатова завоевала первое место в прыжках в высоту, на один сантиметр превысив прежний всесоюзный рекорд, то ученик Дьячкова Сергей Будалов победил с рядовым результатом — 2 метра 21 сантиметр. Но ведь не так давно такая высота казалась фантастичной! А в этом году на счету Будалова и многих других и более высокие прыжки.

Радует высокая форма наших женщин в беге на 1500 и 3000 метров. Как и обычно, подтвердили свои большие возможности советские метательницы диска, метатели молота, прыгуны в длину. Так что если рассматривать итоги матча СССР — Великобритания, то надо отметить, что советская команда, так же как и в прошлые годы, добилась достаточно убедительной победы. Но в нынешнем году каждая новая встреча на беговых дорожках, в секторах прыжков и метаний важна не только сама по себе, но также и как прикидка сил перед выступлениями на Олимпийских играх. И если так рассматривать результаты, показанные в Киеве, то следует, не таясь, отметить, что снова, в какой уже раз, нас тревожат бегуны.

Где они, наши законодатели бега? Как не вспомнить, что в 1954 году на матче сборных команд Мо-

Юрию Прохоренко также удалось покорить рекордную высоту.

Сложная тактическая борьба разыгралась в беге на 3000 метров с препятствиями.

МОДЕЛЬ

сквы и Лондона на стадионе Уайт-сити наш выдающийся стайер Владимир Куц выступал в ранге рекордсмена мира на дистанции 5000 метров? Как не вспомнить, что на римской Олимпиаде победу на дистанции 10 000 метров одержал Петр Болотников? И вот теперь, в Киеве, английский стайер Бернард Форд на 27 секунд обогнал нашего бегуна Марата Ярулина в беге на 10 000 метров, а на дистанции 5000 метров Тони Симмонс и Николас Роуз далеко обошли Ивана Парлуя. А ведь на киевской дорожке выступали не самые сильные английские стайеры!

Неудачи не ограничились лишь двумя дистанциями: английские бегуны были первыми и на дистанции 400 метров, и в эстафете 4×400, и на дистанции 3000 метров с препятствиями. Приходится признать, что наши бегуны на средних и длинных дистанциях далеки сейчас от олимпийской модели. И если среди легкоатлетов, отобранных для выступлений в Монреале, мы не увидим стайеров, это не будет неожиданностью.

Мы говорим об этом потому, что вопросы бега, которые уже поздно решать в преддверии XXI Олимпийских игр, должны стать перед нами во весь рост в подготовке к XXII Олимпиаде — московской.

После бега на 400 метров все три ступеньки пьедестала почета заняли английские спортсмены. Вот они перед нами: Глендон Конен, Эйнсли Беннет и Гарри Армстронг.

Людмила Брагина быстрее всех пробежала 1500 метров.

Владимир Кишкун устанавливает новый всесоюзный рекорд по прыжкам с шестом — 5 метров 50 сантиметров.

«Огонек» уже сообщал о том что после семи лет работы на радиостанции «Свободная Европа» вернулся чехословацкий разведчик Павел Минаржик. Сегодня мы публикуем его рассказ, который записал чехословацкий публицист.

Иржи СТАНО

РЕШЕНИЕ

Павел Минаржик с легким чемоданом в руке вышел 7 января 1976 года из своей мюнхенской квартиры. Было морозное, ветреное утро. Он прошел знакомыми улицами города, где провел полные риска семь лет, остановил такси и велел шоферу ехать на аэродром. И только поднимаясь по трапу в огромный самолет с буквами «Панамерикэн» на борту, Павел впервые ясно ощутил, что работа на радиостанции «Свободная Европа» наконец-то осталась позади.

Глубокой ночью самолет приземлился в нью-йоркском аэропорту Кеннеди. Это путешествие ни у кого не могло вызвать подозрений. Как и многим сотрудникам «Свободной Европы», Минаржику официально обещали в 1977 году предоставить американское гражданство. Условие для этого — обязательное проживание в США не менее пяти лет. Поскольку Павел работал на эту страну, ему разрешили проживать за пределами США. Каждые два года он должен был являться в комитет по делам иммигрантов, чтобы продлить визу. В этот раз срок ее истекал 13 января. Так что путь через океан Павел проделывал не впервые. Он узнал еще издали привычные очертания побережья и город, похожий ночью на гигантский фейерверк.

Через несколько дней, покончив с формальностями, Минаржик вновь шел по бетонной дорожке аэродрома. Лайнер «Панамерикэн» взял курс на Европу. Павел усмехнулся про себя: мюнхенские «покровители», конечно, убеждены, что он разгуливает по Бродвею, сыплет долларами направо и налево.

День за днем он восстанавливал в памяти последние семь лет. Ну что ж, задание выполнено, он возвращается на родину не с пустыми руками.

...В апреле 1945-го, за два месяца до рождения Павла, в тюрьме Панкрац от рук нацистских палачей погиб его дед Ладислав Минаржик. Об этом рассказывала бабушка, у которой воспитывался мальчик. Потом он узнал о Мюнхене и Нюрнберге, о преступной войне, развязанной нацизмом, и ненависть ко всему, что враждебно миру и человеческому счастью, стала убеждением на всю жизнь.

В тринадцать лет Павел решил, что посвятит себя театру. Он уже играл на любительской сцене, потом — в театре братьев Мрштик. Но после школы ему пришлось учиться на слесаря, чтобы начать работать. В театре на юношу уже обратили внимание, и он решил успеть и там и тут. С семи до десяти работал в мастерской, потом отпрашивался на репетицию, после обеда спешил к станку, вечером участвовал в спектакле, а по ночам штудировал Дидро и Станиславского, историю чешского театра. Пришли первые успехи на сцене, солидный критик удостоил его похвалы.

Ему было без малого семнадцать. Однажды после спектакля в комнату, где переодевался Павел, пришел юноша его лет, с виду студент, и, дружески похлопав по плечу, заявил:

— В тебе, парень, определенно что-то есть!

Так Павел познакомился с Гонзой, еще не подозревая, какую важную роль тот сыграет в его судьбе.

С того вечера Гонза частенько стал заглядывать за кулисы. Он был на несколько лет старше, но это не помешало им подружиться. Павла привлекло в новом товарище, что тот умел всегда оставаться спокойным и ровным, любую возникшую проблему решал уверенно и быстро, а главное — ни один вопрос не заставал Гонзу врасплох. В его словах чувствовалась глубокая убежденность.

Гонза был коммунистом. Они часто говорили о политике, Павел уяснил себе, что значит партия, что такое социалистическая культура, какое место в ней занимает театр.

Весной 1965 года Павел выдержал конкурс на место диктора брненского радио. По вечерам, как и в детстве, он путешествовал по радиоволнам. Но не все станции слушал с одинаковым интересом. Некоторые просто раздражали, особенно «Свободная Европа». Павел никогда не терпел лжи, мошенничества, демагогии — всего того, чем эта станция каждый день заполняла эфир. Однажды заговорил об этом с Гонзой.

— Хорошо бы вывести радиолгунов на чистую воду. Разоблачить их на месте преступления,— сказал Павел.

Гонза пообещал познакомить его с теми, кого эти слова могли заинтересовать. Вскоре знакомство состоялось.

— Хорошо, что тебя это так взволновало, Павел. Очень хорошо. Злость будет тебе помощником в работе.

— Вы думаете, что я...

— Да. Ты взялся бы за это?

Павел пристально посмотрел в глаза своим собеседникам и кивнул.

...У тех, с кем встретился Павел, пока не существовало конкретного плана переправки его в Мюнхен. Ясно было одно: работа Павла диктором на радио — ключ к осуществлению всей задуманной акции. Личные качества Павла и то, что он сын беспартийного мелкого предпринимателя, упорно противившегося кооперированию,— все это сулило успех.

Началась тщательная, систематическая подготовка, в которой было предусмотрено все, что должен знать и уметь разведчик. Однако еще до того, как Павел приступил к ней, у начальника Гонзы появилось сомнение:

— Ему всего 20 лет, слишком молод!

Но Гонза и его коллеги считали молодость преимуществом. «Кроме того,— убеждал Гонза,— парень политически абсолютно надежен. Умен, настойчив, собран. У него твердый характер и стальные нервы. Я давно его знаю. Более подходящей кандидатуры не найти».

Приближался 1968 год.

Новая роль оказалась для Павла намного сложнее, чем те, которые он играл в театре. Он знал только тип и характер своего героя. Все импровизация, и никакого антракта.

Однажды к нему пришла женщина-диктор, с которой Павел вместе работал. Она в 17 лет, сразу после февраля 1948-го, вступила в партию, Павел относился к ней с большим уважением. Женщина сказала:

— Слушай, парень, ты несешь иногда просто вздор. Видно, не все ясно у тебя в голове. Я хочу, чтобы ты кое-что понял и перестал болтать глупости.

— Так что же я должен сделать?

— Заглянул бы как-нибудь к нам на собрание. Подумай, я говорю тебе это серьезно.

Павел изобразил на лице приторную улыбку... «Если бы вы знали, как я хочу быть среди вас!» — подумал он, но произнес:

— Ты же меня знаешь. Я и партия... Нет, мне еще рано!

Тем временем под лозунгом борьбы за «абсолютную» свободу слова, а порой и путем откровенных угроз правые элементы заняли ведущие позиции и в радиостудии Брно.

Павел жаловался Гонзе:

— Когда сажусь за микрофон, слова застревают в горле. А ведь это лишь малая часть по сравнению с тем, чем придется заниматься там... Иногда меня охватывает страх: справлюсь ли?

— Справишься. Должен справиться!

События развивались с каждым днем. Павел вел теперь передачи из подпольных радиостудий, где укрылись поборники «социализма с человеческим лицом», и даже не подозревал, что мощный передатчик «Свободной Европы» разносит его голос по всему свету.

Удобный момент для переправки настал. Сотни людей, несших вину за трагические события, бежали из страны. Среди них были и журналисты, работники радио. «Легенда» складывалась как нельзя лучше: Минаржик зарекомендовал себя политически неблагонадежным своим участием в подпольном радиовещании.

Операция проходила в строжайшей тайне — о ней знали лишь несколько работников разведки, и эта секретность оправдала себя. Когда потом Иржи Пеликан проверял на «благонадежность» сотрудников «Свободной Европы», Павла он даже не подозревал. У Пеликана были приятели в министерстве внутренних дел, и, знай они об операции, она провалилась бы в самом начале.

Гонза назначил Павлу встречу в парке на Петрове. Она состоялась 3 сентября 1968 года. Пришли еще несколько верных друзей. Это была радостная встреча,— так радостно было в те дни каждое свидание со своими, с коммунистами, не изменившими партии. Здесь Павел мог на минуту снять маску.

Гонза тронул его за плечо:

— Завтра ты должен ехать.

Павел кивнул. Он давно уже ждал этой минуты и готовился к ней. Ему вручили паспорт, документы и несколько материалов, которые должны были помочь ему войти в доверие там, за кордоном.

ВЕРБОВКА

Он купил темно-синий чемодан, набил его книгами — чтение было его страстью. Заглянул к сестре. Знал, что расстается надолго, а та, ничего не подозревая, приглашала на будущей неделе в кино... Пришлось пообещать — что еще он мог сделать? Отца не оказалось дома, горько было уезжать, не повидавшись, но времени зайти еще раз не оставалось.

Вечером 4 сентября Павел был в Братиславе. Получить австрийскую визу оказалось делом нескольких минут — консульство Австрии раздавало их направо и налево. На следующий день он уже сидел в поезде до Вены. Купе было переполнено. По тому, как вели себя спутники, он понял: спасаются за границу...

Около полудня поезд прибыл на венский вокзал Остбанхоф. «Ну вот, с этой минуты все будет

ВОЗВРАЩЕНИЕ С

зависеть от тебя самого,— подумал Павел.— От умения оценить обстановку и использовать ее в нужных целях. Цель сейчас — попасть на «Свободную Европу».

Вокзал походил на гудящий улей. Вокруг сновали люди. Многие были из «Арсенала» — наспех устроенного лагеря, где жили тысячи туристов, возвращавшихся после отпуска с Балкан и откладывавших отъезд на родину в испуге от чудовищных слухов. Были и такие, что умышленно продлевали отпуск, злоупотребив австрийским гостеприимством.

В жизни разведчика большую роль играет иногда случай: на лестнице Павел увидел отца. Он хотел уклониться от встречи, но отец его уже заметил. Неизвестно, кто был поражен больше.

Оказалось, отец гостил здесь в отпуске у дальних родственников и как раз собрался домой. Решив отложить на день отъезд, он пригласил Павла пообедать. Долго молчали. Наконец отец недовольно спросил:

— Хочешь здесь остаться?

— Не знаю, приехал просто посмотреть. Там видно будет.

Отец уговаривал Павла вернуться вместе с ним в Брно. Он не сомневался, что сын решил сбежать. Наконец, сдавшись, сказал:

— Только обходи стороной лагерь.

Так Павел оказался у дальних венских родственников. «Что ж, первый шаг сделан,— подводил он вечером итог, сладко потягиваясь в постели.— Если так пойдет и дальше, то все будет о'кей!»

На следующий день Павел отправился на Вальнерштрассе, 3, в венское бюро «Свободной Европы».

Его принял шеф чехословацкого отдела Кострба. Этого Кострбу позднее уволили со «Свободной Европы», сейчас он живет в Вене и под псевдонимом Христиан Виллярс поливает грязью социалистическую Чехословакию на страницах австрийской буржуазной печати.

Павел сказал, что хотел бы работать на «Свободной Европе».

— Был коммунистом? — спросил Кострба.

— Нет.

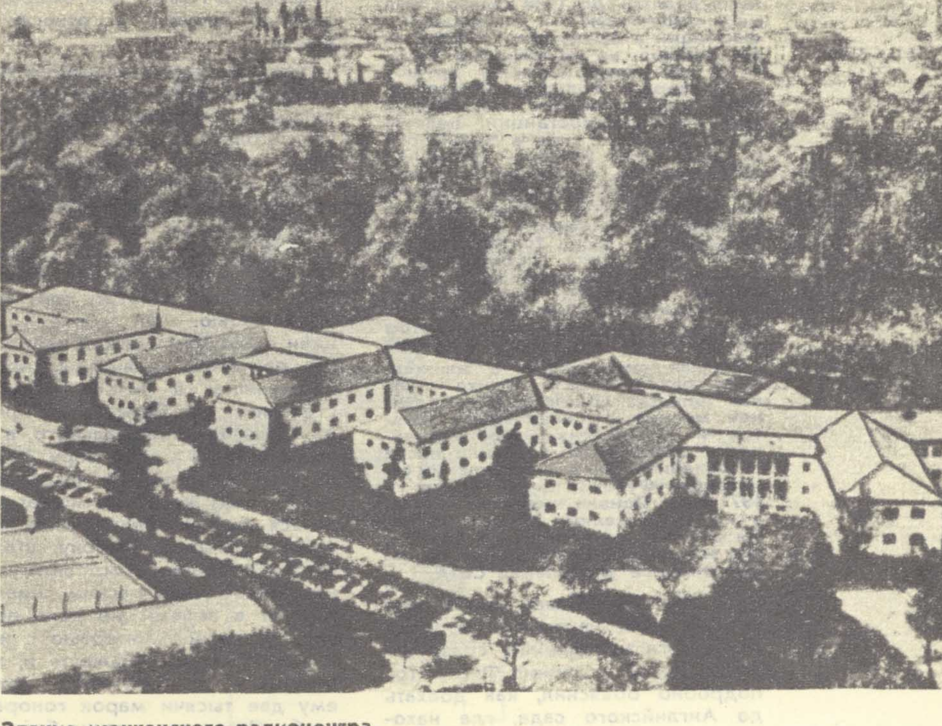
— Тогда зайди во второй половине дня.

Кострба сообщил об этом визите Юлиусу Фирту. Фирт по заданию директора «Свободной Европы» и агента ЦРУ Ральфа Уолтера специально приехал в то время в Вену, чтобы отобрать из числа эмигрантов таких, которые могли бы оказаться полезными Центральному разведывательному управлению, а в случае надобности — и мюнхенскому радиоцентру.

Когда Павел явился во второй раз, его любезно встретил Фирт. Опытный агент быстро оценил Павла. «Свободная Европа», на которой работала старая эмиграция, прибывшая после февраля 1948 года, очень нуждалась в свежем пополнении. Фирт решил, что из этого молодого человека можно извлечь немалую пользу. Тем более что Павел предложил часть материалов, которые захватил с собой.

Павел Минаржик.

Здание мюнхенского радиоцентра.

— Деньги у вас есть? — изображая доброяка, спросил Фирт.

— Примерно тысяча шиллингов.

— Хорошо, до завтра хватит.

На следующий день Павел рассказал ему о противоядерном убежище, которое, правда, никогда не существовало, и для убедительности приложил план, выдуманный накануне вечером. Фирт не скупился, заплатил ему полторы тысячи западногерманских марок. Павел, конечно, догадался, что это приманка, но изобразил наивное удивление, услышав о такой большой сумме. Правда, за эти деньги пришлось еще написать автобиографию, подробно рассказать о брненском радио, о положении в Чехословакии.

Вскоре Фирт пришел к Минаржику сам и сообщил, что все готово, его ждут в Мюнхене.

— Не думайте, что всегда так просто попасть на «Свободную Европу»,— счел необходимым заметить агент.— Но вы, дружище, профессионал. И весьма перспективный.

Истинную причину подобной предупредительности Павел узнал позднее: Фирту нужно было иметь среди новых сотрудников своего человека, который доносил бы о каждом из них.

— Так мы договорились,— сказал на прощание Фирт.— Завтра я познакомлю вас с доктором Пехачеком.

...Небольшое отступление, касающееся личности Юлиуса Фирта. Как мы уже говорили, господин Фирт — представитель эмиграции, бежавшей из Чехословакии после февраля 1948 года. К тому времени, когда с ним познакомился Минаржик, он был политическим советником номер два шефа «Свободной Европы» Ральфа Уолтера. Вскоре он вышел на пенсию и живет сейчас, надо полагать, неплохо. В годы второй мировой войны Фирт сотрудничал с небезызвестным агентом американской разведывательной службы Чарльзом Катеком. Об этом свидетельствует один из документов, который удалось обнаружить Минаржику.

В начале 1944 года чехословацкое «правительство в изгнании», находившееся в Лондоне, получило приглашение от МОТ (Международной организации труда) принять участие в конференции, которая должна была состояться в апреле в Филадельфии. В делегацию вошли Йозеф Косина от социал-демократической партии, Юлиус Фирт от национально-социалистической и Йозеф Вало, представитель КПЧ. Из документа явствует, что Фирт по заданию американской разведки установил слежку за членами делегации. Вот некоторые места из его письма, отправленного 9 февраля 1955 года Майерсу, сотруднику иммиграционного комитета США. Здесь он упоминает о своих заслугах перед американской разведкой, чтобы ускорить оформление своего американского гражданства.

«В апреле 1944 года,— читаем в письме,— я встретился в Лондоне с мистером Чарльзом Катеком из Управления стратегических служб США (предшественник ЦРУ.— И. С.). Я информировал его о составе делегации, членом которой был коммунист Йозеф Вало. М-р Катек был рад, что я также вхожу в делегацию, и дал мне ряд ценных советов. Я выразил готовность информировать о работе делегации, о деятельности ее отдельных членов, особенно Йозефа Вало. Разумеется, об этом обещании никто не должен был знать, поскольку речь шла о секретной службе». На пяти страницах письма сообщаются дальнейшие подробности.

«Заслуженный» агент ЦРУ нашел теплое местечко в мюнхенском шпионском центре, укрывшемся под вывеской «Radio Free Europe»...

Разговор с Ярославом Пехачеком, занимавшим пост директора чехословацкого отдела «Свободной Европы», был коротким.

К Пехачеку как раз приехали из Праги сыновья, и он не мог уделить много времени Павлу. Посоветовал лишь, поскольку у того не было западногерманской визы, перейти границу нелегально и в деталях объяснил, как это сделать.

— А оформление в Мюнхене займет у вас несколько часов.

...Перенесемся на несколько лет вперед, чтобы узнать, чем занимается Пехачек сейчас. В 1975 году он достиг пенсионного возраста. На прощание ему выделили с господского стола 200 тысяч марок — сумму немалую. Чтобы избавить Пехачека от огромного налога, руководство «Свободной Европы» решило выплатить ее по частям в течение двух лет. Но на это время тот должен был остаться в ФРГ и только затем отправиться в Соединенные Штаты, которые дали ему, как и каждому сотруднику радиостанции, свое гражданство. Пехачек остался — чего не сделаешь ради денег! — но даром времени решил не терять. Он стал готовить новые программы для «Свободной Европы», чем, конечно, разозлил своих коллег, у которых отбил хлеб. Особенно проклинают Пехачека его духовные братья Вольный и Кружляк, Езднинский и Нижнянский, Шульц и Пейскар и другие. Всю эту свору ренегатов, предателей, нацистских преступников, старых и новых эмигрантов роднит одно — тридцать сребреников, переведенных в доллары.

ДРУГОГО БЕРЕГА

После Пехачека руководство чехословацким отделом принял Самуэл Беллуш. До 1948 года он был уполномоченным по вопросам информации в Братиславе, в 1951 году пришел на «Свободную Европу», где сразу завязал дружбу с мистером Ральфом Уолтером, тогда политическим советником директора радиостанции. Беллуш познакомился с ним в Нью-Йорке и знал, что Уолтер — сотрудник ЦРУ. Уолтера освободили в прошлом году от обязанностей директора радиостанции, его место занял Ричард Кук, сотрудник «отдела исследований» ЦРУ. Уолтер же потеет сейчас над сочинением о том, что будет дальше со «Свободной Европой». Поговаривают, ему умышленно поручили эту непосильную работу, чтобы потом окончательно от него отделаться.

Частая смена имен в мюнхенских радиоцентрах не что иное, как попытка обмануть общественное мнение в Соединенных Штатах и прогрессивную общественность всего мира, особенно после разоблачительных выступлений сенаторов Фулбрайта и Кейса в 1971 году. Однако имена меняются, а их обладателями остаются агенты все той же шпионской службы под названием Центральное разведывательное управление США.

...В Мюнхене Павел нашел крохотный отель на окраине и, устав от дороги и волнений, сразу же уснул. Утром позвонил Фирту. Тот подробно объяснил, как доехать до Английского сада, где находится здание «Свободной Европы». Там он должен спросить Пехачека.

Швейцар уже знал о Павле и без разговоров пропустил к Пехачеку. Шеф встретил Минаржика будто старого знакомого, лицо его словно говорило: вот видишь, все идет как по маслу. Явился Фирт. Павлу объяснили, что ему предстоит пока поселиться в лагере для беженцев. Там он должен подать просьбу о предоставлении политического убежища и только потом устраиваться на работу в «Свободной Европе» — таков порядок.

Лагерь назывался Цирндорф, где-то под Нюрнбергом, в 130 километрах от Мюнхена. Павел немедленно поехал туда и был сразу же принят — новые «покровители» уже позаботились. Ему предстояло еще два допроса: у немецкой разведывательной службы и у американцев. Первых интересовали имена людей на радио и телевидении, а также армия. Кажется, они остались довольны Павлом.

Так как секретарша уже ушла и некому было напечатать просьбу о предоставлении убежища, велели подождать до утра. Павел прошелся по лагерю. Люди теснились на нарах, прижимая к себе узлы и чемоданы, чтобы их не украли. Большинство разговоров было о том, как перебраться в Америку и стать миллионером. Кругом стоял смрад, запах нечистых человеческих тел. Почувствовав тошноту, Павел вышел на улицу и направился к городку, до которого было минут пятнадцать быстрой ходьбы. В первой же приличной пивной, куда он заглянул, Павел ощутил на себе неприязненные взгляды местных обывателей. Да, видно, беженцы не пользовались здесь большой любовью.

Утром Павел пришел в канцелярию, получил подтверждение о том, что действительно подал прошение о политическом убежище, и автостопом вернулся в Мюнхен.

Фирт уже ждал Минаржика и сообщил ему, что Павел — первый после августа 68-го эмигрант с чехословацкого радио, с которым «Свободная Европа» установила контакт. Каково же было удивление Павла, когда в коридоре он встретил своего старого знакомого Вольного, которого под руку вел Пехачек! Пехачек лишь кивнул Павлу и сказал, что Вольного ждет Уолтер. Славек Вольный, еще не оправившийся от испуга, сделал вид, что не заметил Минаржика. Только вернувшись от Уолтера, он подошел к Павлу. Они вместе заполнили анкеты и отнесли их шефу.

Первое время Вольный не хотел раскрывать себя и писал под псевдонимом. Он еще возвращался в Прагу, благо границу тогда можно было перейти свободно, похвастался знакомым, какой приобрел себе пиджак и парфюмерию, забрал свои вещи и вернулся в Мюнхен. Одним из первых его «геройств» на «Свободной Европе» была попытка основать партийную организацию. Он говорил, что идеи коммунистической партии сами по себе правильны, просто коммунисты в Чехословакии отступили от них. Сначала его приняли здесь за ненормального, а потом обратили в свою веру. Теперь он стал твердить, что чехословацкий народ, который может гордиться своими прекрасными качествами, совершил ошибку, поддавшись «извращенным, антигуманным коммунистическим идеям».

Фирт в первый же день поручил Минаржику интервью с журналом «Ридерс дайджест» и, хоть материал не получился, вручил ему две тысячи марок гонорара: чтобы Павел знал, какие блага его ожидают, если станет «человеком Фирта».

Теперь Павел мог обдумать, как проникнуть в интересовавшие его места. Особенно важно было наладить связь, чтобы передавать информацию на родину. С первого до последнего дня эта работа, о которой мы по понятным причинам не можем рассказать, была сопряжена с огромным риском. Тем не менее все сведения Минаржика благополучно доходили по назначению.

«СВОБОДНАЯ ЕВРОПА» КАК ОНА ЕСТЬ

Радиостанция «Свободная Европа» впервые вышла в эфир 4 июля 1950 года. Чехословацкая редакция с благословения тогдашнего политического советника «комитета «Свободной Европы» С. Джексона начала деятельность 1 мая 1951 года. Пост исполнительного директора радиостанции занимали «штатные» сотрудники ЦРУ, последний из которых — Ричард Кук. До Мюнхена он работал в «отделе исследований» ЦРУ и несколько лет—в госдепартаменте США, где занимался делегациями из Советского Союза. На «Свободной Европе» — с 1963 года.

Когда Минаржик приехал в Мюнхен, радиостанцию возглавлял Ральф Уолтер, тоже свой человек в ЦРУ. При нем был открыт «центр документации», сотрудники которого под руководством опытных агентов ЦРУ должны были доставать любую возможную информацию о социалистических странах. Методы раздобывания информации аналогичны тем, какими пользуются разведывательные организации на Западе.

Этот центр произвел большое впечатление на некоего Бернарда Левина, который писал в лондонской «Таймс» 29 февраля 1972 года: «Несколько лет назад я побывал в резиденции «Свободной Европы» в Мюнхене. Я увидел сосредоточенный там огромный документальный материал, содержащий подробные данные о тысячах граждан, организаций и событий по другую сторону железного занавеса. Едва ли где еще в мире существует информационный центр, который так же активно занимается интересующей его сферой».

Сия информация, как мы увидим дальше, использовалась не только для передач, но и непосредственно для нужд ЦРУ, которое и держит на «Свободной Европе» этот закамуфлированный шпионский архив.

На жителя любой из социалистических стран, имя которого хотя бы раз упоминалось в печати или по радио, здесь заведено «дело». Тщательно регистрируются сведения о руководящих деятелях Чехословакии, о специалистах, о тех, кто регулярно ездит за границу. Последним уделяется особое внимание, тем более если «Свободная Европа» уже сумела прямо или косвенно извлечь из них какую-то пользу.

Западногерманский журналист А. Шюллер писал 19 марта 1971 года в газете «Ди Вельтвохе»: «Д-р Гаек, руководитель чехословацкого «отдела исследования и анализа», показал мне архив. Здесь собраны сведения даже о деятелях низшего ранга, начиная от текстов их речей и кончая тем, как они проводят отпуск. Услугами центра пользуются и западные правительства». Заметим, что д-р Гаек — бывший борец против нацизма. Но сейчас, видимо, «чешского патриота» не смущает то, что его непосредственным заместителем является старый нацист Нижнянский.

На «Свободной Европе» работают 1400 человек, в чехословацком отделе — 71. Объем вещания составляет 550 часов в неделю, из них ежедневно 19 часов — на чешском, венгерском, польском, болгарском и румынском языках. На языках народов СССР вещает радио «Свобода». Во главе обеих радиостанций стоит дирекция из 19 человек, большинство из которых одновременно являются неофициальными сотрудниками различных учреждений США и Центрального разведывательного управления. Бюджет обеих радиостанций составил в прошлом году 50 миллионов долларов.

Цитируем, что писал французский журнал «Монд дипломатик» в адрес этих «реликтов холодной войны», как назвал их американский сенатор Фулбрайт: «Неважно, субсидируют «Свободную Европу» американские тайные службы или она получает деньги из более уважаемых источников. Важно, что она является ударной силой западной пропаганды в психологической войне, продолжающейся вопреки процессу разрядки...»

За годы работы на радиостанции Павел Минаржик познакомился с рядом «коллег», которые были непосредственными сотрудниками ЦРУ. Все они получают зарплату на «Свободной Европе», но из карманов ЦРУ.

Небезынтересна личность Фреда Эйдлина. Минаржик познакомился с ним в сентябре 1968 года, вскоре после того, как пришел на «Свободную Европу». Эйдлин сносно говорил по-чешски, его обязанностью было входить в контакт с молодежью, эмигрировавшей из Чехословакии после августа 68-го.

Эйдлин учился в США, куда его родители переехали в двадцатые годы из Советского Союза. Фред признался Минаржику, что, изучая в университете штата Индиана историю Коммунистической партии Чехословакии, уже тогда пользовался материалами «Свободной Европы». К карьере разведчика он готовился в Европе, учился во Франции, Швейцарии и Австрии. По заданию ЦРУ с 1963 года много раз бывал в Чехословакии и встречался с молодыми людьми, проявлявшими недовольство социалистическим строем. Многим из них он помог переметнуться за границу. Эйдлин налаживал также контакты реакционных элементов в Чехословакии со «Свободной Европой» и получил за это награду — 23 августа 1968 года был принят на радиостанцию в качестве политического советника чехословацкого отдела. В Мюнхен он прибыл прямо из Праги.

Эйдлин объяснял Павлу, какие нужны материалы из Чехословакии, как их обрабатывать в соответствующем духе. С его помощью Павел узнал и тех, кто присылал или сам привозил в Мюнхен материалы из Чехословакии.

Как-то летом 1969 года на радиостанцию прибыл студент Ш. из Праги, кадровый осведомитель и прямой пособник ЦРУ. У входа его встретил Франтишек Томаш, он же Франтишек Смрчек, коллаборационист, бывший швейцар из гостиницы «Флора», и громогласно изрек: «Так вы приехали из Праги, наконец-то! Фред Эйдлин ждет вас и сейчас же оплатит все ваши материалы!» Павел, случайно ставший свидетелем этой сцены, был поражен, насколько редакторы «Свободной Европы» опьянены событиями в Чехословакии и даже не соблюдают элементарных правил конспирации, публично объявляя своих агентов.

Эйдлин вскоре неожиданно исчез из Мюнхена. Павел, не упускавший его из виду, установил, что тот снова начал совершать визиты в Прагу. В четвертый свой приезд, в 1970 году, он был уличен в шпионаже и арестован. На допросе он назвал много других имен. Показания Эйдлина перед судом потом существенно дополнил польский разведчик Анджей Чехович.

Сбор информации шпионского характера непосредственно на территории ЧССР — тоже задача «Свободной Европы». Ценность представляют любые сведения — из области экономики, политической жизни, культуры, спорта. В последнее время в Мюнхене требуют от своих осведомителей информацию, представляющую особый интерес для стратегов «психологической войны». К этой категории относятся сведения о настроениях среди граждан, об их реакции на определенные события, о даже самых незначительных проявлениях «национальных противоречий» в какой-либо стране, о том, каким способом лучше повлиять на интеллигенцию, молодежь, крестьянство, какие лозунги пропагандировать, чтобы начать так называемый «внутренний диалог» с целью разложения страны изнутри.

Американская разведывательная служба изучает все письма слушателей, приходящие из Чехословакии. Как только приходит второе письмо или уже первое заинтересует ЦРУ — на слушателя заводится карта. Если автор подписывается инициалами или псевдонимом, за его почтой следят особенно внимательно. Как правило, такой слушатель быстро раскрывает свое инкогнито, и, если он представляет интерес, ЦРУ устраивает ему проверку, например, с помощью туристов, прибывающих в Чехословакию из-за рубежа.

Минаржику предоставлялась возможность заглянуть в картотеку «корреспондентов» «Свободной Европы». Кому играют на руку эти люди, признался председатель «Совета по вопросам международного радиовещания» при американском конгрессе Дэвид Эбшир. В октябре прошлого года он сказал в своем докладе, что между радиостанциями и ЦРУ существует взаимный обмен «специфическим информационным материалом».

Перепечатывается с сокращениями из приложения к газете «Руде право».

Перевел с чешского Б. ЛАБУТИН.

Окончание следует.

Ц. СОЛОДАРЬ

Круговращения

ФЕЛЬЕТОН

Опять
Дорожники закончили покрытие.
Блестит асфальт.
Поток автоколонн.
Тут на связистов
Снизошло наитие:
«Здесь будет
Кабель телефонный заложе́н!»
Зияют хмуро
Черные пробоины,
Под месивом
Асфальта не видать.
Почетной грамоты
Связисты удостоены —
Ведь телефон работает
«На ять»!

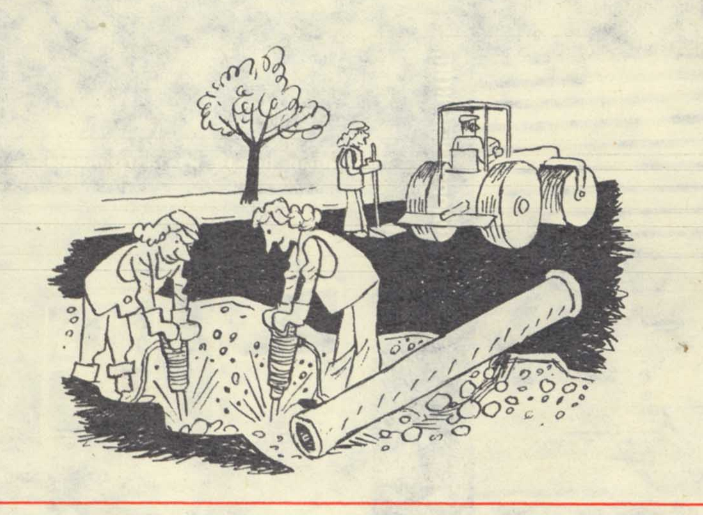
...Опять
Заделаны все трещины
И рытвины.
Но приговор газовщиков
Неумолим:
«Нам все до лампочки!
Разворотим покрытие —
Природный газ
Трудящимся дадим!»
Ползут машины снова по обочинам,
Асфальт смешался с глиной
Цвета беж.
И, наконец,
Газификация закончена.
Ура!
Дорожники выходят на рубеж.

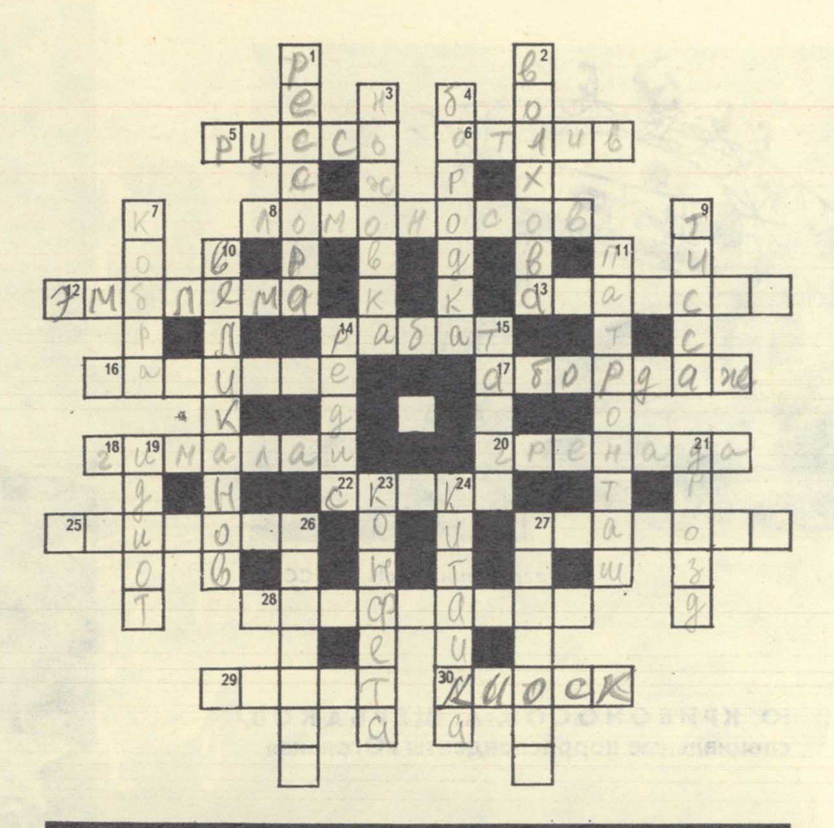
...Опять
Блестит асфальт,
Уложен заново.
Но грозный возглас слышится:
«Не сметь!
Водопроводчики должны
В порядке плановом
Водоразборную
Переиначить сеть!»
Объезд! Еще объезд!
Машины мечутся,
Асфальт уже совсем окрошкой стал.
Зато вода
Уже в квартирах плещется.
Водопроводчиков —
На пьедестал!

...Опять
Блестит асфальт,
Шумят акации,
Успели все вокруг озеленить.
Но раздается вопль:
«Канализацию
Мы не позволим
Не-до-о-це-нить!
Взорвем асфальт,
Деревья срубим начисто.
Ведь сами понимаете вы —
Быт!
Дадим мы
И количество и качество.
Пускай наш труд
Не будет позабыт!»

...Опять
Дорожники закончили покрытие,
За быстрый темп
Им знамя вручено.
Но тут покрытие
В момент подверглось вскрытию
И в плановом порядке
Снесено!
Асфальт избороздили
Дыры, трещины —
Теплофикация
Свой начала поход.
За нею смело ринулись
Тоннельщики —
Здесь будут строить
Новый переход.

Опять...
Но слышу:
«Все уже понятно нам —
Семь нянек и тэ дэ.
Мораль ясна!»
Ох, не спешите,
Милые читатели:
Ведь корень в том,
Что нянька-то одна.
Да, да, одна!
Не надо удивления.
Могу заверить вас наверняка,
Что завизировала
Все круговращения
Одна и та же
«Легкая» рука!

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Французский просветитель XVIII века. 6. Периодическое понижение уровня моря. 8. Великий русский ученый и поэт. 12. Условное или символическое изображение. 13. Травянистое растение. 14. Столица Марокко. 16. Повесть И. С. Тургенева. 17. Способ сражения в эпоху гребного и парусного флота. 18. Высочайшая горная система в Азии. 20. Стихотворение М. Светлова. 22. Яркая звезда в созвездии Девы. 25. Певица, народная артистка СССР. 27. Глубокая вспашка. 28. Система счисления времени. 29. Белорусский писатель. 30. Торговая палатка.

По вертикали:

1. Амортизатор автомобиля, вагона. 2. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко». 3. Ручная пила. 4. Выступ на ключе. 7. Очковая змея. 9. Приток Дуная. 10. Персонаж комедии А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 11. Снаряжение охотника. 14. Овощ. 15. Порт на побережье Индийского океана. 19. Роман Ф. М. Достоевского. 21. Лесная птица. 23. Кондитерское изделие. 24. Сорт яблок. 26. Река в Магаданской области. 27. Жанр изобразительного искусства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали: 3. Глаголица. 7. Дискант. 8. Штурвал. 10. Копер. 13. Оазис. 15. Секстет. 17. Синец. 18. Форсунка. 19. Волейбол. 20. Рампа. 22. Легница. 23. Кроки. 27. Стенд. 29. Теплота. 30. Скрепер. 31. Грейпфрут.

По вертикали: 1. «Варнак». 2. Диктор. 3. Гексод. 4. Африка. 5. Низами. 6. Жалюзи. 9. Благодать. 11. «Последние». 12. Стетоскоп. 14. Скула. 15. Сокол. 16. Тропа. 17. Снейк. 21. Партер. 24. Рельеф. 25. «Пролог». 26. Триест. 27. Сеттер. 28. Декарт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москвичка Наташа Коровкина очень любит свой детский сад «Солнышко».
Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Иллюстрации к книге «Что такое. Кто такой» (см. в номере материал «Тебе, открывающему мир»).

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 10/V — 1976 г. А 08107. Подп. к печ. 25/V — 1976 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1240. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2205.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Государственная граница СССР.

Ю. КРИВОНОСОВ, А. ЩЕРБАКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

ПЕРЕХО́ДИТЕ

раница на замке... Мы привыкли к этому словосочетанию, оно дарует нам спокойствие и уверенность. Уверенность в том, что никто не сможет нам помешать жить по нашим законам и нормам.

С детства мы читаем в книгах и газетах о пограничниках, видим на экранах кино и телевизоров этих мужественных воинов, боевая задача которых — не пропустить через границу, что называется, ни одной души. Но есть в пограничной службе подразделения с совершенно противоположной функцией — пропускать через границу всех, у кого, разумеется, есть на это соответственно оформленное разрешение. Такие подразделения носят название КПП — контрольно-пропускные пункты. О них наш сегодняшний рассказ.

Здесь граница открыта всегда. Пограничники Брестского КПП рассказывают нам, что невооруженным глазом видно, как растет по мере разрядки международной напряженности поток людей, пересекающих государственную границу Советского Союза. Туристы, политические и общественные деятели, коммерсанты, журналисты, спортсмены. Сотни и тысячи из многих десятков стран.

...Огромный шкодовский грузовик тормозит у здания автодорожного КПП. Из кабины выходят двое водителей. Пока пограничники проверяют документы, мы знакомимся с шоферами. Это Любомир Дите и Ян Иржик.

— Откуда и куда держите путь?

— В Дубну из Брно, везем мебель для Объединенного института ядерных исследований.

— Неблизкий путь...

— Да ничего, мы привыкли, а по Советскому Союзу ездить спокойно. Кругом друзья, случись что с машиной, всегда помогут...

— Счастливой вам дороги!

Пограничники-контролеры безупречно вежливы, дружелюбны, подтянуты, даже, мы бы сказали, галантны. А как может быть иначе, ведь они представители великой державы, которые первыми встречают ее гостей.

...Пересек границу автобус. Советские туристы-москвичи возвращаются из поездки в Польскую Народную Республику. Впечатлений масса, и первые, с кем можно ими поделиться на родной земле,—это пограничники. В данном случае — встречающие их капитан Муриенко и старший сержант Герасимов. Они, правда, заняты, несут службу, но с улыбкой выслушивают все, что спешат сообщить пассажиры автобуса. Им знакома эта радость возвращения на Родину после даже недолгой разлуки.

...Следуют в Москву к месту работы дипломат и журналист из Федеративной Республики Германии — едут основательно, с семьями. Идут друг за другом многотонные автопоезда «Совтрансавто». Прибыли польские физкультурники, которым предстоят соревнования в Бресте.

А в это же время не менее оживленно и на железнодорожном КПП. Наряд под командой капитана Куца только что закончил проверку документов у пассажиров поезда, следующего в Варшаву. Другой наряд — капитана Реутова — проводит осмотр грузовых составов. Зачем? А затем, что здесь западные ворота нашей страны, через которые едет вся Европа, да и не только Европа, и далеко не все уважают наши законы и международные соглашения. Кое-кто пытается протащить через границу идеологическую отраву, находятся желающие промышлять контрабандой... И тут пограничники начеку. Тут они суровы, непреклонны и беспощадны. Легенды ходят о ветеране погранвойск, прапорщике Варламе Кублашвили, которого называют грозой контрабандистов. Тридцать лет назад его учителем был знаменитый Никита Карацупа. А потом, когда в подразделение приехал служить сын Карацупы — Анатолий, Кублашвили уже сам передавал молодому лейтенанту свой богатейший, многими годами накопленный, необходимый для пограничников опыт.

Отличные ребята служат на КПП. Образованные, воспитанные, смелые. Они умеют дорожить доверием Родины. А она им доверила очень много: представлять на границе наше государство, нести службу там, где граница открыта для мира.

Прапорщик Варлам Кублашвили.

Автодорожный КПП.

Прибыл поезд из-за границы.

Обычный контроль грузовых поездэв.

ГРАНИЦУ? ПОЖАЛУЙСТА!

Маршрут: Брно — Дубна.

Служба...

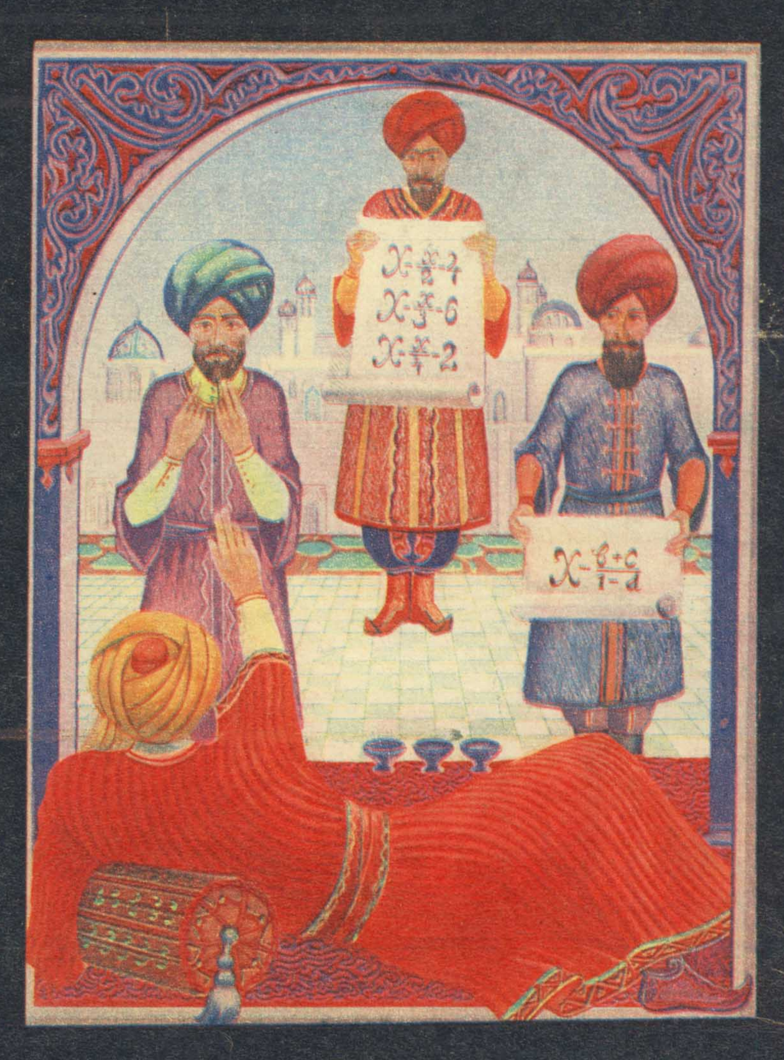

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.